

Лиговский пр., 87, оф. 300, Санкт-Петербург, 191140
E-mail: nlevdokimova0@gmail.com

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«Значение правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации для защиты прав человека»

Стенографический отчет

Санкт-Петербург
12 декабря 2015 года

СОДЕРЖАНИЕ

Список участников	2
Евдокимова Наталия Леонидовна, Ответственный секретарь Правозащитного совета Санкт-Петербурга	3
Шейнис Виктор Леонидович, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, профессор	4
Лукьянова Елена Анатольевна, профессор кафедры конституционного и административного права НИУ "Высшая школа экономики"	10
Кряжкова Ольга Николаевна, доцент кафедры конституционного права Российской академии правосудия	14
Васильев Николай Владимирович, Советник Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге	17
Ливеровский Алексей Алексеевич, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов	20
Нестеров Юрий Михайлович, член Правозащитного совета Санкт- Петербурга	22
Морщакова Тамара Георгиевна, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке	24
Шейнис Виктор Леонидович, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, профессор	29
Вишневский Борис Лазаревич, депутат Законодательного собрания, фракция «ЯБЛОКО»	32
Цыпляев Сергей Алексеевич, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС	35
Амосов Михаил Иванович, председатель Санкт-Петербургского отделения партии «ЯБЛОКО»	39
Трутнев Сергей Владимирович, Квалификационная коллегия судей Пермского края, общественный представитель, юрист	43
Дискуссия	46

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

1. Алексеева Ольга, «Солдатские матери Санкт-Петербурга»;
2. Амосов Михаил Иванович, председатель Санкт-Петербургского отделения партии «ЯБЛОКО»;
3. Антон Щербак, Общественная организация «Солдатские матери Санкт-Петербурга»;
4. Васильев Николай Владимирович, Аппарат Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге;
5. Вишневский Борис Лазаревич, депутат Законодательного собрания, фракция «ЯБЛОКО»;
6. Горбачев Александр, «Солдатские матери Санкт-Петербурга»;
7. Изотов Владимир, корреспондент «Deutsche Welle» по Санкт-Петербургу;
8. Карлинский Игорь Залманович, Правозащитный совет Санкт-Петербурга;
9. Кочетков Игорь Викторович, Правозащитный совет Санкт-Петербурга;
10. Кряжкова Ольга Николаевна, доцент Российского государственного университета правосудия, Москва;
11. Леонтьева Оксана, Московский университет МВД;
12. Ливеровский Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета;
13. Лукьянова Елена Анатольевна, доктор юридических наук, профессор Высшей школы экономики;
14. Морщакова Тамара Георгиевна, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, заместитель председателя Конституционного Суда РФ (1995—2002);
15. Нестеров Юрий Михайлович, Правозащитный совет Санкт-Петербурга;
16. Покровская Ольга Леонидовна, Аппарат Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге;
17. Полякова Элла Михайловна, Правозащитный совет Санкт-Петербурга;
18. Семенов-Тянь-Шанский Александр;
19. Соловьев Владимир Федорович, Адвокатская палата Санкт-Петербурга;
20. Старцева Ольга Николаевна, юрист Санкт-Петербургской общественной правозащитной организации «Гражданский контроль», Санкт-Петербург;
21. Сунгурова Анна Сергеевна, Адвокатская палата Санкт-Петербурга;
22. Топильская Елена Валентиновна, Адвокатская палата Санкт-Петербурга, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия;
23. Трутнев Сергей Владимирович, Квалификационная коллегия судей Пермского края, общественный представитель, юрист;
24. Узунова Валентина Георгиевна, Санкт-Петербургский союз ученых;
25. Цыпляев Сергей Алексеевич, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС;
26. Шахова Елена Владимировна, председатель Санкт-Петербургской общественной правозащитной организации «Гражданский контроль»;
27. Шинкунас Владислав Иосифович, со-координатор проекта «Мегарегион – сетевая конфедерация», Санкт-Петербург;
28. Шнитке Владимир Эдуардович, Правозащитный совет Санкт-Петербурга.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Коллеги, у нас напряженная повестка. Хотелось бы, чтобы все успели не только послушать, но и выступить.

Уважаемые коллеги, Правозащитный совет Санкт-Петербурга предложил провести такой круглый стол после известных решений Конституционного Суда. Такая идея возникла, когда мы обсуждали частности по решениям Конституционного Суда. Елена Владимировна Шахова ее высказала, Юрий Михайлович Нестеров ее развил, и вот мы решили провести такой круглый стол.

Можно сказать, конечно, и банальные вещи: Конституция Российской Федерации говорит, что высшей ценностью является человек, его права и свободы. С одной стороны, эти права закреплены в Конституции, но мы с вами видим, что права и свободы человека нарушаются, и защитить их не так-то просто. В чем проблема? Наверное, и в несовершенстве законодательства Российской Федерации, и в том, что права человека нарушают органы государственной и негосударственной власти и отдельные субъекты.

Конституционный Суд считается в мире одним из самых эффективных институтов защиты прав человека, поскольку существуют механизмы защиты прав человека, которые мы можем получить через решения Конституционного Суда. И в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» говорится о том, что одной из его главных функций и задач является защита как конституционного строя, так и основных прав и свобод человека. Любой человек может пожаловаться в Конституционный Суд, если нарушены его права и свободы, а Конституционный Суд принимает решение по тому, существуют ли нормы, на нарушение которых жалуется отдельный гражданин, либо суды осуществляют действия, которые, по мнению заявителя, не соответствуют нормам Конституции Российской Федерации.

Деятельность Конституционного Суда – это разъяснение норм, углубление неких понятий в области защиты прав и законных интересов, а также свобод человека и гражданина. И роль Конституционного Суда как раз в судебной защите прав человека в том, что его решения окончательные и обжалованию не подлежат. Мало того, его решения обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации как гражданами, так и органами государственной власти, в том числе и судами.

Сегодня мы с вами и рассмотрим вопросы, которые касаются этой области. Я предоставляю слово Виктору Леонидовичу Шейнису, главному научному сотруднику ИММО РАН, профессору. Тема его доклада (или сообщения, как Алексей Алексеевич Ливеровский просит называть) – «Конституционный суд между правом и политикой».

В.Л. ШЕЙНИС

Уважаемые коллеги, прежде всего мне хотелось бы поблагодарить организаторов сегодняшнего круглого стола за приглашение, за возможность выступить и поделиться своими соображениями по столь важному и примечательному вопросу.

Мне кажется достаточно символичным, что наша встреча происходит в городе, куда был перемещен (насколько я знаю, без особого рвения с собственной стороны) Конституционный Суд. Я не возлагаю больших надежд на то, что голос нашего круглого стола для судей Конституционного Суда окажется особенно внятными по сравнению с теми голосами, которые он слышит из столицы, из известного учреждения. Но, тем не менее, мне представляется, что эта встреча и обсуждение, которое должно состояться, сыграют некоторую роль в осмыслении нашим обществом, теми, кто так или иначе вовлечен в проблематику правозащиты, как какой-то шаг в осмыслении проблем прав человека сквозь призму деятельности Конституционного Суда.

Прежде всего, мне бы хотелось отметить некоторые существенные моменты в истории становления нашего Конституционного Суда: как законодательство решало вопрос «кем быть», чем должен заниматься, какие права, полномочия, функции должен иметь Конституционный Суд. Это одна часть. И вторая часть моего выступления – каким образом Конституционный Суд справляется с возложенными на него функциями.

Вообще существует достаточно укоренившееся представление, что исходный пункт, исходная историческая точка новой России, новейшей России – это 1991-й год. Что ж, трудно спорить с тем, что 91-й год был годом выхода Российской Федерации на мировую арену в качестве самостоятельного государства. Но я думаю, что все-таки вернее начинать новейшую историю нашей страны не с 91-го года, а со второй половины 80-х, когда, по сути дела, была принята новая Конституция Советского Союза и вслед за ней Конституция Российской Федерации. Хотя этот документ так не назывался, но те изменения, которые были внесены в так называемую брежневскую Конституцию 1977 года и ее дочернее ответвление – Российскую Конституцию, по сути дела, давали нам новый документ. Я хотел бы, с точки зрения темы нашего сегодняшнего обсуждения, особо подчеркнуть, что на смену номинальному единовластию в Советах (мы знаем, за кем было реальное единовластие) пришло, хотя бы в конституционном тексте, разделение властей, появление судебной власти (по крайней мере, в некоем зародыше) как самостоятельной ветви власти, и в этом ключе – появление Конституционного Суда.

На втором Съезде народных депутатов СССР был принят Закон «О Комитете конституционного надзора СССР», который, конечно, не дотягивал до Конституционного Суда как такового, но был его своего рода предтечей. Я думаю, что какие-то основополагающие моменты, связанные с появлением, вернее, становлением судебной власти как особой ветви, были очень важны в связи с изменениями Союзной, а затем и Российской Конституции.

Я сказал, что Комитет конституционного надзора не дотягивал до собственно самостоятельной судебной власти. Здесь следует отметить два момента. Во-первых, решения Комитета конституционного надзора не носили обязательного характера. Соответствующие организации должны были лишь учесть это и каким-то образом отреагировать на постановления Комитета. И, во-вторых, граждане не могли обращаться в Комитет конституционного надзора. Это была организация, так сказать, исключительно в сфере действия государственных органов.

Слабость Комитета конституционного надзора отчетливо проявилась на Пятом съезде народных депутатов СССР, который совершил самоубийство, приняв в результате навязанного ему марафона ряд постановлений, так сказать, чуть ли не с плеча, что мгновенно изменило Конституцию, и, по сути дела, ликвидировался парламент. Комитет конституционного надзора проявился только в конце года. Между прочим, сегодня годовщина: 11 декабря 1991 года он принял постановление о том, что Беловежские соглашения, то есть констатация того, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование, являются лишь политической оценкой, которая не имеет юридической силы. Это было справедливо, но на ход событий никакого существенного влияния это не оказало и никаких последствий не имело. Комитет

конституционного надзора скончался незаметно, так же как и другие органы Союза, после декабря 1991 года.

Теперь собственно Конституционный Суд. На Первом Съезде народных депутатов РСФСР была создана Конституционная комиссия, которая сходу занялась подготовкой проекта новой Конституции. Несмотря на летний период, Рабочая группа Конституционной комиссии, в основном включавшая идеологически и политически близких депутатов, работала очень интенсивно, и уже 12 октября был выдан на-гора, так сказать, первый Проект Российской Конституции. В этом Проекте появились судебная власть (как самостоятельная), и в том числе Конституционный Суд. Казалось, что в российской политико-правовой жизни Конституционный Суд займет то место, которое не смог занять Комитет конституционного надзора.

Готовясь к сегодняшнему выступлению, я просмотрел в очередной раз десятитомник по работе над Конституцией Российской Федерации, подготовленный главным образом Олегом Румянцевым. Я даже не знаю, что поставить главной заслугой Олега Румянцева: то ли, что он был инициатором и главной движущей силой в работе Конституционной комиссии, или то, что он выдал чрезвычайно тщательно составленный сборник документов разнообразного рода, с соблюдением академических требований, в том числе и все без исключения проекты Конституции, которые готовила Конституционная комиссия.

Внимательно посматривая проекты, я увидел, что, собственно говоря, основные очертания Конституционного Суда с порядком формирования, функции, значимость его решений уже были в этом первом варианте. Затем, переходя из проекта в проект, под давлением Верховного Совета и других обстоятельств Конституционный Суд менялся. Конституция меняла свои очертания, но Конституционный Суд сохранялся, и, таким образом, постепенно дошло до последних проектов. Последние проекты Конституционного Суда – это 5 и 12 июля. И в этих документах Конституционный Суд был представлен, на мой взгляд, в наиболее содержательном виде. Если бы в таком виде он дошел до наших дней, то можно сказать, что по крайней мере юридическое содержание деятельности Конституционного Суда имело бы более содержательную, более действенную основу.

Затем, как вы, наверное, помните, летом 1993 года сошлись два проекта – проект Конституционной комиссии и проект, подготовленный группой известных юристов, обозначенный как президентский проект.

Главными отличиями от проекта Конституционной комиссии были некоторые своеобразные положения: функции Конституционного Суда были разбиты между собственно Конституционным Судом и, я позволю себе сказать, монструозным образованием, которое получило название – Высшее судебное присутствие. Это чисто верхушечное образование, которому из сферы Конституционного Суда были переданы две очень важные функции: толкование Конституции и возможность импичмента высших должностных лиц, в том числе импичмента президента.

Затем состоялось Конституционное совещание. Я думаю, что хотя в целом Конституционное совещание и не имело легитимной основы, не было избрано и ни в коей мере учредительным собранием не являлось, но тем не менее сыграло полезную роль в приведении этого президентского проекта к более, я позволю себе сказать, разумным нормам в целом ряде случаев, в том числе и в роли и функциях Конституционного Суда. Собственно, разделение функций и само Высшее судебное присутствие работой Конституционного совещания было ликвидировано, но одно положение, которое будет иметь особо важное значение в последующем развитии событий, содержащееся в проекте Конституционной комиссии (положение о том, что Конституционный Суд рассматривает по жалобам юридических и физических лиц конституционную практику), было заменено той несколько расплывчатой формулой, которая введена в конечном счете в нашу Конституцию, – формулой, что Конституционный Суд по жалобам граждан и запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретных делах. Так вот, на пути к Конституции эта формула, одобренная Конституционным совещанием 12 июля, была дальше еще несколько ухудшена: из текста действующей Конституции было убрано указание на то, кто именно является субъектом жалобы; рассматривать закон по жалобам на нарушение прав граждан сказано в общей форме; было

снято положение о том, что Конституционный Суд рассматривает не только изданный, но и подлежащий применению закон. Так обстояло дело с проектами конституций.

Следующий этап – появление двух проектов закона о Конституционном Суде. Первый закон был издан в 1991 году. Небезынтересно отметить, что он был издан через месяц после избрания президента и за месяц до августовского путча. По оценке целого ряда юристов, Закон 1991 года, в том числе я могу сослаться на Владимира Александровича Туманова, был лучше, чем в конечном счете вступивший в силу второй Закон 1994 года. В связи с появлением этого первого варианта (у меня нет возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать этот текст) хотелось бы отметить одно обстоятельство: условия появления данного Закона и его прохождения.

Я полагаю, что высшими точками деятельности съездов народных депутатов России были третий и четвертый съезды. На четвертом съезде было дано поручение Верховному Совету подготовить закон о Конституционном Суде. Этот закон был очень быстро подготовлен, принят Верховным Советом, но депутаты решили, придавая особую значимость этому закону, что его также должен был утвердить съезд. Это важный момент, потому что Верховный Совет утвердил закон без его третьей главы, третьего раздела, а именно: проверки практики, относящейся к конституционности издаваемых законов. В Верховном Совете это не прошло. На съезде третья глава была вынесена, специально обсуждена и принята. Были несколько непростых голосований, но решение в целом все-таки было принято, достаточно разумное, на мой взгляд: среди функций Конституционного Суда была функция проверки конституционной практики, то есть она выходила за рамки еще не принятой Конституции 1993 года. Впоследствии эта норма исчезнет.

А затем, как вы знаете, в сентябре-октябре 1993 года последовали президентские указы. Сначала известный Указ № 1400, который рекомендовал судьям не собираться, отложить заседание до начала работы Федерального Собрания, а затем декабрьский Указ, который объявил Конституционный Суд недействующим до издания нового закона. И тогда появился новый закон, который мы имеем сегодня.

Говоря об этом законе, надо отметить ряд наиболее существенных моментов: были удалены функции Конституционного Суда по проверке правоприменительной практики и исключены также такие функции, как рассмотрение дел Конституционным Судом по собственной инициативе. Это, говорили составители закона, будто бы делает Конституционный Суд слишком сильной властью. Изменена была также конструкция Конституционного Суда. Вместо 15-ти – 19 судей и две палаты.

Теперь небезынтересно, говоря о становлении Конституционного Суда, отметить те поправки, коррективы, которые были внесены в последующие годы. Хотя я думаю, что был целый ряд уточняющих и разумных норм, тем не менее основное направление этой конституционной практики привело к тому, что на Конституционный Суд еще в

90-х годах была наложена контрреформаторская тенденция: он утрачивал свои важные составляющие.

Я проанализировал 8 законов и 7 президентских указов, относящихся к деятельности Конституционного Суда. Следует сказать, что испытанный метод пряника и кнута действовал в полной своей красе. Уже в 90-х годах, а именно в 1995-м, был издан указ президента, согласно которому не только судьи, но и работники аппарата ощутили на себе поток разнообразных материальных, бытовых благ, причем существенным было то, что это вводилось не законом, а указом президента. В 2000-е годы эта тенденция была продолжена, причем особенно знаменательным был в этом смысле указ нового президента, который установил, что конституционным судьям устанавливается заработная плата в следующем размере: председателю суда – 6,5 должностных окладов, а судьям – 5,5 должностных окладов. Прошло очень немного времени, это было в декабре 2004 года, а в 2005 году еще один указ увеличивал заработную плату – вознаграждение конституционным судьям наряду с другими судьями. Это одна линия.

Другая линия в нашем законодательстве, на мой взгляд, опасная и крайне вредная. Еще в 1995 году в Закон о статусе судей было внесено дополнение, а именно норма, которая устанавливала, что полномочия судей могут быть прекращены в случаях

совершения поступка, позорящего честь и достоинство судьи. И было добавлено: «...или ущемляющего авторитет судебной власти». Поскольку ущемление авторитета судебной власти не раскрыто и может трактоваться чрезвычайно широко, эта норма является своего рода дамкловым мечом, занесенным над каждым судьей. И уже в 2009 году под давлением этой нормы двое конституционных судей вынуждены были подать заявление об отставке.

Этим законодательством, кроме того, была введена еще одна чрезвычайно, на мой взгляд, опасная и деструктивная норма. Во-первых, срок полномочий председателя Конституционного Суда был увеличен с 3 до 6 лет, а во-вторых, что особенно существенно, у Конституционного Суда, как у самоуправляющегося судебного сообщества было отнято право избирать председателя, заместителя и секретаря. Вместо этого были введены два заместителя, и все эти лица Конституционный Суд должен был избирать по представлению президента.

Теперь из правоприменительной деятельности Конституционного Суда. Из его решений я выбрал четыре точки, которые, на мой взгляд, очень ярко характеризуют роль Конституционного Суда в 90-е, а с другой стороны, в 2000-е и последующие годы.

Первая значимая точка – это решение Конституционного Суда по так называемому делу КПСС. Достаточно общим местом является сопоставление процессов Конституционного Суда и Нюрнберга. К сожалению, все основные условия рассмотрения дела КПСС по двум встречным жалобам (с одной стороны, в защиту КПСС, с другой – с требованием объявить КПСС неконституционной организацией или, как писал в своем особом мнении судья Кононов, преступной организацией) имели существенные отличия. Дело в том, что Конституционный Суд, в отличие от Нюрнбергского трибунала, не мог опереться на международное право, в соответствии с которым был создан и принял свои решения Нюрнбергский суд. Фашизм (или национал-социализм) был 12-летним эпизодом в жизни Германии, тяжким, наложившим жестокие изменения на жизнь страны, но все-таки 12-летний эпизод. То есть поколение немцев, живших до фашизма, функционировало и во времена Нюрнбергского процесса. У нас поколение российских граждан уже не знало ни Учредительного собрания, ни тех норм, которые вводило, кстати сказать, Временное правительство – слабо введенный в общественное сознание пласт нашего законодательства. И кроме того, нацистская партия и государство были обрушены военным поражением, а советское государство было демонтировано при активном участии значительной части актива КПСС, и члены партии входили также известной частью в Конституционный Суд. Поэтому решения Конституционного Суда были промежуточными, межумочными, хотя характерно, что они вызвали возражения с обеих сторон. Было особое мнение Кононова и особое мнение Лучина и Эбзеева, причем эти особые мнения отразили неприятие общего подхода и конкретных форм, конкретных решений, которые были приняты.

Тем не менее я хочу сказать, что Конституционный Суд в том виде, в каком он действовал в 1992 году, не управлялся все-таки извне и отражал различие позиций, существовавших в нашем обществе.

Второе значимое решение – это решение Конституционного Суда, его поведение в трагических событиях осени 1993 года.

Я очень внимательно прочел неправленную, по-видимому, стенограмму обсуждения, которое состоялось в Конституционном Суде через два часа после обнародования известного Указа № 1400. Надеюсь, что, может быть, Тамара Георгиевна, участник этого заседания, расскажет о нем более подробно и более интересно, чем могу сказать о нем я.

Мне представляется, что Конституционный Суд был поставлен в достаточно сложные условия. Согласно правилам, процедуре он должен был работать с документами, а документов у него не было, была только распечатка того, что прозвучало по радио и телевидению. Кроме того, Конституционный Суд не имел всей необходимой документации, он не мог заслушать свидетелей. С точки зрения большинства Конституционного Суда, ситуация была более или менее очевидной, и, насколько я могу судить по стенограмме, судьи не оспаривали того, что Указ № 1400 идет вразрез с Конституцией Российской Федерации, но некоторые судьи указывали на то, что сама Конституция содержит противоречия. В частности, одно из них – двоякая норма объявления импичмента,

заложенная в одной и той же статье, на что обращала внимание Тамара Георгиевна, насколько я могу судить по стенограмме, и некоторые другие судьи. Поэтому вытекала ли непреложность отрешения президента из того, что произошло в 8 часов вечера 21 сентября, было, по крайней мере, неочевидно.

Голосование в Конституционном Суде было следующим: девять судей голосовали за предложение председателя, а четверо голосовали против него. Кроме того, в составе этих девяти по крайней мере четверо выразили недоумение по поводу этой формулы: президент подлежит отрешению на основе статьи 121.6 или (сомнительный в данном случае разделительный союз) статьи 121.10.

Как бы то ни было, ситуация сложилась такая, что, опять же, возможно, я выскажу спорную точку зрения, решить ее на чисто правовой основе было вообще невозможно. Ее можно было решить только политически. И именно политическую роль, роль медиатора, взял на себя Валерий Дмитриевич Зорькин, который сформулировал ряд условий урегулирования конфликта.

Вчитываясь в эти условия, приходишь к заключению, что они, может быть, и могли бы при других обстоятельствах послужить базой для ведения переговоров и предотвратить трагедию, которая произошла 3-4 октября. Но то обстоятельство, что по настоянию Зорькина Конституционный Суд принял решение об импичменте, делало его в качестве медиатора абсолютно неприемлемым для Кремля.

Кроме того, был еще целый ряд моментов, которые делали эту политическую роль, которую взял на себя председатель суда, явно нереализуемой. Ситуация завершилась так, как она завершилась.

Под влиянием того, что я услышал от Юрия Михайловича и Тамары Георгиевны, у меня несколько ушло желание договаривать свою речь. Не потому, что я считаю малозначительным то, что я собирался сказать. Я, наверное, неправильно построил свое выступление. Обычно так бывает всегда, когда выступаешь с какой-то темой в первый раз. Надо было перестроить доклад и сосредоточить внимание на реальной правоприменительной практике в свете решений Конституционного Суда. Но... поезд ушел, поставлен вопрос в несколько другой плоскости. Если вдруг у нас останется время и таково будет желание собравшихся, я хотел бы высказать некоторые соображения о роли председателя Конституционного Суда, который, как известно, избирался пять раз. И хотя прослеживается некая общая линия, тем не менее, на мой взгляд, это и в гражданском, и, наверное, в правовом смысле разные фигуры.

Повторяю, я готов к этому вернуться и несколько минут посвятить этому вопросу. Но сейчас это означало бы уводить дискуссию в сторону констатации реального положения вещей, а не поиск выхода, на который нас ориентировал Юрий Михайлович и так блистательно проанализировала Тамара Георгиевна.

Поэтому просто некоторые соображения по извечному проклятому русскому вопросу «что делать». Мне, кстати, в перерыве корреспондент тоже задавал вопрос на эту тему: что делать, если справедливые, очевидные решения не исполняются? Вопрос был поставлен следующим образом: Конституционный Суд уже, по-видимому, дал основание для закона, который установит право судов Российской Федерации (и не только судов, но и исполнительной власти) не исполнять решений Конституционного Суда. Мне тоже приходилось участвовать в дискуссиях на эту тему. Я соглашался с тем, что ужасно жалко миллиардов долларов по делу ЮКОСа, которые нам присудили, а заплатят ведь не те, кто устроил разгром ЮКОСа, а это пойдет из нашего с вами кармана. Ужасно жалко! Но решение Европейского Суда, по-видимому, является той зацепкой, которая раскрывает не правовой характер нашего законодательства и наших судебных решений по крайней мере перед мыслящей частью общества, перед тем прогрессивным или просвещенным классом, о котором с некоторым недоброжелательством пишет в своих последних статьях Валерий Дмитриевич.

На прямой вопрос «что делать» я ответил бы примерно так: всё равно надо биться головой о стенку. Пусть будут отказы, обоснованные, вероятно, полуправовым решением (такое витиеватое это июльское решение Конституционного Суда!) и абсолютно

неправовым законом. Тут я беру на себя смелость судить о тексте, который не читал (вернее, я не уверен, что он вообще опубликован), – данный проект, который, собственно, на этой неделе (в понедельник) был утвержден в первом чтении нашей замечательной Государственной думой. Зная, что собой представляет это сообщество людей, я думаю, закон будет, скорее всего, неправовым.

Возникает вопрос, что вообще следует делать не только с данным законом, а вообще. Вот Тамара Георгиевна совершенно блистательно, на мой взгляд, проанализировала ситуацию с Конституционным Судом (Закон 1994 года) и показала, что следует сделать, что следует зафиксировать в Законе «О Конституционном Суде». Это очень полезно, очень нужно, потому что когда настанет время «Ч», очень важно, чтобы этот проект Закона лежал на столе. Я тоже думаю, что этот час когда-нибудь наступит, наверное, при жизни многих из здесь присутствующих, И сейчас, оборачиваясь на прошлое, я неслучайно довольно много времени посвятил изучению того, как это создавалось. Я считаю, что подвигом наших конституционалистов, далеко не только депутатов, а светлых умов, которые были приглашены по инициативе совершенно замечательного человека – имя его здесь пока не прозвучало (Борис Андреевич Золотухин, который возглавлял Комитет по судебной реформе в первом российском парламенте), вот его усилиями и усилиями привлеченных людей были созданы очень хорошие законы. И что лучшее в законах, с моей точки зрения, – это концепция правовой реформы, которая чудесным образом была утверждена Верховным Советом, кажется, месяца через три после того, как был принят закон о Конституционном Суде.

Но все это делалось в значительной мере «на коленке», потому что в очень богатой и очень полезной перестроечной публицистике авторы выходили скорее на общую постановку (что надо зафиксировать, как надо поступать), но не на конкретные законы.

У нас обсуждается более широкая проблема: какая нам нужна Российская Конституция. Я думаю, что если будет создано учредительное собрание (не знаю, в какой обстановке, каким будет его состав), на стол учредительного собрания будут положены определенные конституционные проекты.

В своей последней книге я выделил в основном три направления, три итога результатов работы коллективов правоведов. Это работа Михаила Александровича Краснова, который привлек своих студентов и аспирантов и составил проект. Я не со всем согласен, мне доводилось дискутировать по этому поводу, но это серьезный проект. Второй проект, который не доведен до уровня постатейного текста, но все-таки очень детальный (его легко превратить в постатейный текст), – это работа Андрея Николаевича Медушевского и его группы. И третий – ленинградский проект, в котором участвовали присутствующие здесь Михаил Иванович Амосов, Наталья Покровская, Борис Вишневский и другие. Там тоже содержатся очень конкретные предложения по реформе Конституции. Они разные, к очень важным и спорным вопросам они подходят по-разному. Возможно, появятся четвертый, пятый проекты, но это предмет разговора. Мне бы хотелось, чтобы учредительное собрание занялось этим всерьез.

Если говорить о выходе, который может дать сегодняшний круглый стол, то это – побудить участников и, возможно, людей, которых это заинтересует, написать проект закона о Конституционном Суде, что, в общем, является менее сложной задачей, чем та, которая стояла перед конституционалистами 1990-1991 года, потому что, во-первых, есть заделы, а во-вторых, есть практика, которая подтверждает или отвергает то, что сделано, то, что заложено в этих заделах. Вот конкретный выход, конкретное предложение.

Дальше. Возникает вопрос, который, на мой взгляд, выходит далеко за рамки сегодняшнего круглого стола и вообще дискуссий, возникающих среди конституционалистов. Я только обозначу его. Студентам первого курса юридических факультетов говорят (Лена, наверное, Вы говорите это своим студентам в одном из первых к ним обращений), что есть Конституция в книгах и есть Конституция в жизни, написанная и реальная. Каким образом эти хорошие (я не сомневаюсь) законопроекты и те замечательные идеи, которые развивала Тамара Георгиевна, можно воплотить в жизнь? Я думаю, что это вопрос чисто политический: каким образом можно изменить соотношение сил, положение в стране, чтобы, во-первых, собрать учредительное собрание, которое

способно будет утверждать и конституцию, и главные законы? Во-вторых, в этом учредительном собрании следует провести эти замечательные проекты несмотря на сталкивающиеся тенденции. Вот это уже другой вопрос.

Спасибо.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

А давайте это в дискуссии? Я боюсь, что когда одного докладчика слушаешь, очень сложно сосредоточиться. Виктор Леонидович, мы Вам обязательно дадим слово в дискуссии.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо большое, Виктор Леонидович. Замечательный доклад, очень интересно было бы Вас еще час и два слушать, потому что Вы большой в этом специалист.

Сейчас уже все подошли. Я хочу, чтобы все, кто здесь присутствует, представились очень быстро, в течение минуты, – фамилия, имя, отчество и откуда. Ничего больше. Мы хотя бы посмотрим, кто присутствует за круглым столом.

Тамара Георгиевна, вы начинаете.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Можно я сэкономлю, не буду представляться?

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Круглый стол происходит в офисе общественной организации «Гражданский контроль».

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Следующее выступление – Елена Анатольевна Лукьянова, профессор кафедры конституционного и административного права Высшей школы экономики. Она у нас едина в двух лицах. Ее доклад «Неисполнение решений Конституционного Суда как риски в защите прав и свобод человека». И заболел, к сожалению, Шаблинский Илья Георгиевич (тоже из Высшей школы экономики), который хотел выступить с докладом «Решения Конституционного Суда и контрреформационное развитие законодательства». Так что за двоих, пожалуйста, Елена Анатольевна. Как сказала Тамара Георгиевна, у нас тут образовался факультет Высшей школы экономики.

Е.А. ЛУКЬЯНОВА

Я сегодня выступаю как двуликий Янус – за двух профессоров – за себя и за профессора Шаблинского. И почти что от двух вузов, потому что 32 года проработала в МГУ и всего два года в Высшей школе экономики. Профессор Шаблинский написал достаточно большой текст. Я не буду его читать полностью, а изложу основные мысли.

Итак, Илья Георгиевич Шаблинский – профессор ВШЭ и член Совета по правам человека при Президенте – считает, что Конституционный Суд виноват в том, что не смог предотвратить скрытую конституционную реформу. В доказательство он приводит целый ряд постановлений Конституционного Суда самых последних лет. Хотя я считаю, что этот список можно расширить по времени. Не только в последние годы Конституционный Суд «сдавал» конституционные позиции. То есть речь идет о бездействии Конституционного Суда в процессе последовательной конституционной мутации (есть такой термин, недавно наткнулась на него в работе профессора Игоря Барцица из Академии народного хозяйства).

В доказательство своей позиции Шаблинский приводит ряд постановлений Конституционного Суда. Например, от 14 февраля 2013 года, в котором Конституционный Суд согласился с возможностью устанавливать минимальное расстояние между одиночными пикетчиками, потому что в противном случае «организаторы могут злоупотребить правом собираться мирно и без оружия». Но при этом Суд «не заметил» несоразмерность штрафов за нарушения законодательства о публичных мероприятиях ответственности за другие административными проступками, хотя именно эти штрафы и ломают всю логику системы административной ответственности.

Шаблинский также анализирует Постановление от 8 апреля 2014 года, когда Конституционный Суд уклонился от анализа понятия политической деятельности и тем самым открыл простор для произвола правоохранителей в отношении НКО. Хотя (это уже я добавляю от себя) понятие политической деятельности изначально сформулировано именно в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде», где судьям запрещается таковой деятельностью заниматься. И было бы логично взять на вооружение это самое определение, а не изобретать очередной велосипед. И не было бы никаких споров, в результате которых за прошедшие год-полтора это понятие расширилось до невероятных пределов, и конца этому мы не видим.

Далее Шаблинский говорит об Определении Конституционного Суда от 17 июля 2014 года «О ликвидации Высшего арбитражного суда», считая его крайне опасным. Я с ним абсолютно согласна. В том числе и как адвокат. Я вижу, что происходит в реальных судах, и лично фиксирую тотальное снижение качества правосудия.

В дополнение к тому, что просил меня озвучить профессор Шаблинский, я бы кое-что добавила и сделала бы еще более жесткий вывод. Во-первых, я бы привела целый ряд решений Конституционного Суда, где он самоустранился от защиты Конституции под предлогом так называемой «конституционной сдержанности» (термин, изобретенный В.Д.Зорькиным). То есть наряду с двумя традиционными видами объективной стороны состава правонарушения – действием и бездействием – у нас официально появился еще один – самоустранение. Это как воздержаться при голосовании, отказавшись от участия принятия решения за или против. По Библии это будет «умыть руки». Таким образом, Конституционный Суд прямо участвует в конституционной мутации путем самоустранения от ее предотвращения.

Так он сам под специально изобретенным предлогом отказался от предоставленного ему Конституцией права законодательной инициативы. Я лично видела документ, направленный в Государственную Думу тогдашним председателем Конституционного Суда господином Баглаем. В нем было сказано, что Конституционный Суд просит не направлять ему проекты законов, поскольку «впоследствии эти законы могут стать предметом рассмотрения Конституционного Суда». Но при этом Конституционный Суд активно пользуется этим самым правом, когда ему нужно каким-то образом подправить Закон о самом себе любимом, то есть ФКЗ «О Конституционном Суде». Когда, например, надо изменить предельный возраст судьи, чтобы изгнать из Суда непокорную Морщакову. Но не тогда, когда Конституционный Суд принимает постановление, в котором выступает в качестве негативного законодателя, то есть признает ту или иную норму не соответствующей Конституции Российской Федерации, и на месте правового регулирования образуется незаполненная лакуна, которую в ряде случаев депутаты восполняют в еще худшем варианте, чем это было до решения Суда.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Необязательно.

Е.А. ЛУКЪЯНОВА

Как правило. Тамара Георгиевна, я не претендую на такое знание, как Ваше, но это бывает. И Конституционный Суд ничего не предлагает взамен. вспомните, что было, например, с решением по референдуму. Было же, Тамара Георгиевна, когда

Конституционный Суд признал неконституционными ряд положений Закона о референдуме, которые в такой вводили такие ограничения для вопросов референдума, которые исключали вообще его проведение. Ну, может быть, кроме вынесения на голосование вопроса о рекламе пива. Тогда норма перестала действовать. Что сделала Дума? Она приняла еще худшую редакцию. После этого тему «референдум» в курсе «Конституционное право России» можно вообще убрать и перенести ее в курс «Истории государства и права».

Сегодня я в ленте фейсбука я написала поздравление гражданам России с днем Конституции. И увидела на это поздравление очень грустную реакцию. В основном люди пишут, что Конституция не работает. Это плохо, это очень-очень плохо и очень печально.

Есть еще одна проблема, которой нам бы тоже следовало серьезно озаботиться. У нас сегодня очень остра проблема с исполнением решений Конституционного Суда, и именно отсутствие нормального механизма исполнения решений Конституционного Суда наносит ущерб защите прав и свобод граждан. Причина понятна. Дело в том, что в свое время Конституционный Суд взвалил на себя практически непосильную ношу, которая оказалась ему не по плечу. Статья 6 ФКЗ «О Конституционном Суде» говорит о том, что решения Конституционного Суда обязательны к исполнению. Но ведь решения Конституционного Суда неоднородны. Они состоят из нескольких частей – из описательной части, мотивировочной, где судьи размышляют о том, откуда они исходили, как они шли, что они принимали во внимание при принятии решения о том, соответствует ли Конституции норма, поставленная под сомнение заявителем и из резолютивной. Какая из них обязательна к исполнению? Все? В том числе и мотивировочная? Наверное. Но за 20 с лишним лет мы получили такое количество решений, что я как адвокат, пришедший в суд, и адвокат противной стороны в противоположных целях по одному и тому же вопросу и каждый в свою пользу вполне можем использовать разные решения Конституционного Суда. Самое интересное, что судья в своем решении может апеллировать к какому-то еще другому решению Конституционного Суда. То есть их скопилось много, они не до конца систематизированы и не классифицированы по тематике. Плюс у нас появилось письменное производство, то есть отказные определения, в которых часто тоже есть правовая позиция, и они тоже обязательны к исполнению.

Могут ли все это «переварить» суды? Нет, не могут. Тем более, что Конституционный Суд выражается «зело витиевато». Это же еще вчитаться надо, это даже не всем ученым и адвокатам под силу. А раз не могут, то и не исполняют.

Вот я могу сейчас навскидку привести несколько решений Конституционного Суда. Если бы они были исполнены, не было бы второго дела ЮКОСа. Например, решение от 4 июня 2007 года: «Суд не может оценивать экономическую целесообразность тех или иных действий хозяйствующих субъектов, это могут делать только сами субъекты предпринимательской деятельности». Но, как известно, ЮКОС обвинили именно в том, что он продавал нефть по заниженной цене.

Или постановление Конституционного Суда от 24 февраля 2004 года, в котором сказано, что создание единого центра прибыли в рамках вертикально интегрированного холдинга преследует цель достижения общего блага для акционерного общества и его нельзя рассматривать, как нечто преступное и нарушающее.

Или постановление Конституционного Суда от 15 января 2008 года, в котором сказано, что обстоятельства, подтвержденные вступившим в силу решением арбитражного суда, могут быть опровергнуты только в случае аннулирования такого судебного акта. Целый блок решений - их огромное количество - фактически повторяют одно и то же решение – о воле собственника. Если бы это было исполнено, если бы суд принимал во внимание эти обязательные для исполнения решения Суда, то у нас была бы совсем другая ситуация. То есть все второе дело ЮКОСа построено на неисполнении решений Конституционного Суда!

Или вот вчера Тверской суд Москвы не исполнил решения КС о сроках и целесообразности рассмотрения дел о проведении публичных мероприятий. Как известно, месяц назад в Москве был заявлен митинг на сегодня. В ответе на это заявление от московской власти не было ни отказа, ни согласования. То есть «пойти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что». Этот ответ был обжалован в суд, но митинг был заявлен на сегодня, а суд до сих пор не принял дело к рассмотрению.

Если я не ошибаюсь, несколько лет назад Конституционный Суд сам очень сильно озаботился растущим перечнем своих неисполненных решений. Особенно тех, где норма признана неконституционной или где была выявлена правовая неопределенность. Суд озаботился, подключил все свои ресурсы, и Государственная дума немножечко зашевелилась и кое-что поправила. А вот с мотивировочными частями-то что?

Можем ли мы, например (сегодня такого механизма нет, может быть, попробовать создать прецедент), обжаловать решение суда на основании неисполнения решения Конституционного Суда? Как это можно сделать? Я не знаю пока ответа, но уже совершенно ясно, что это нерешенная проблема.

Смотрите: в 1995 году Верховный Суд принимает постановление пленума Верховного Суда о порядке применения судами Конституции Российской Федерации. На мой взгляд лично – совершенно блестящее постановление, в котором он говорит: суды, сами, пожалуйста, оценивайте норму, подлежащую применению в конкретном деле, и решайте. Я понимаю, почему Конституционный Суд тогда очень сильно выступил против этого. С одной стороны, я понимаю, он опасался, что суды не справятся с этой задачей или справятся некорректно. Но забрав на себя это полномочие, запретив судам делать это самостоятельно и потребовав от них, чтобы они в случае сомнения обращались к Конституционному Суду, он еще одну огромную задачу перетянул на себя, оказавшись тогда, кстати, судьей в собственном деле. И что получилось? Он лишил судей конституционного самообразования. Им не надо теперь думать, что конституционно, а что неконституционно. Потому что есть 19 человек в Санкт-Петербурге, которые думают за них. И поэтому бесполезно апеллировать к Конституции в суде общей юрисдикции.

И еще одно дополнительное полномочие взял на себя Конституционный Суд. Вот я ехала в поезде, читала один еще не опубликованный материал из Якутии. В нем анализировалось летнее решение КС о приоритете Конституции и Европейской Конвенции. Так вот автор считает (и доказывает это), что депутатский запрос, по которому принималось решение, был некорректен. Конституционный Суд не должен был принимать к его рассмотрению. Очень неграмотный был запрос! Но Суд принял, в очередной раз проявив конституционную сдержанность.

И напоследок немного информации. Буквально на следующей неделе мы открываем новый междисциплинарный workshop «Читаем Конституцию. Конституция – это модно». Он будет проходить в Высшей школе экономики и под ее эгидой, но самыми разными юристами специалистами разных отраслей права. Этот workshop будет ежемесячным; мы будем его записывать на видео, монтировать и выкладывать в интернет. В последующем мы, возможно, сможем привлекать специалистов дистанционно по скайпу.

Теперь о предложениях. Я бы сконцентрировалась на двух. Мне представляется, что у нас назрели два очень важных вопроса. Это теория правовых и неправовых законов, где у нас до сих пор нет точных критериев. И второе. Пора заговорить всерьез о термине «противоречащая Конституции правоприменительная практика». Мы его всерьез пока не исследовали.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо, Елена Анатольевна. Я думаю, что вопросы к Вам будут во время дискуссии. А пока я предоставляю слово Кряжковой Ольге Николаевне, доценту кафедры Конституционного права Российской академии правосудия. Ее доклад называется «Место Конституционного Суда России в системе защиты прав и свобод человека». Пожалуйста, Ольга Николаевна.

О.Н. КРЯЖКОВА

Надо сделать две оговорки. Во-первых, это тоже не доклад. Более того, мне не хочется воспроизводить материал, который я готовила, а хочется отреагировать на выступление Елены Анатольевны и продолжить его. Во-вторых, учебное заведение, где я работаю, уже называется Университетом правосудия.

Сперва скажу о том, какое отношение я имею к теме защиты прав в Конституционном Суде Российской Федерации.

Конституционным Судом я интересуюсь достаточно давно (с кандидатской диссертации). Какое-то время назад я вместе с коллегой стала работать над книжкой по обращению с жалобой в Конституционный Суд. Она была издана, а буквально вчера появилось второе издание; называется «Как защитить права в Конституционном Суде». Она имела некоторый успех, как мне тут говорят коллеги (за это спасибо огромное). Но после того как книга была написана – с совершенно практическими целями, – у меня в голове осталось, что я практически не понимаю, какое место сейчас занимает Конституционный Суд в системе защиты прав. И сюда, на этот круглый стол, я тоже приехала больше с вопросами, нежели с какими-то ответами; чтобы попытаться обозначить некоторые точки, которые меня волнуют (и не только меня), и посмотреть на то, что собой представляет Конституционный Суд не столько как конституционный орган, который подвергает мутации Конституцию.

Какая у него роль в сфере защиты прав в настоящее время? Я прихожу к выводу, что на сегодняшний момент его роль достаточно неопределенная. С одной стороны, он является органом нормоконтроля, рассматривает конституционность законов. Если мы прочитаем Закон о Конституционном Суде и часть 4 статьи 125 Конституции – там так и написано. Но в последнее время для Конституционного Суда характерна тенденция: складывается впечатление, что он берет на себя роль четвертой проверочной инстанции. Как он ни дистанцируется от правоприменительной деятельности на словах, воленс-ноленс он это делает.

Я проиллюстрирую свой тезис на примере. Меня очень удивило одно дело, которое было рассмотрено в 2015 году. В Конституционный Суд обратился бывший индивидуальный предприниматель, который захотел, чтобы его признали безработным. И органы занятости ему в этом отказали. Отказали по той причине, что он не смог представить одну бумажку – справку с последнего места работы о том, что за последние три месяца работы у него был такой-то доход. В перечне документов, которые представляются в службу занятости, есть еще и такая бумажка. Вот он ее туда не представил. Тогда он пошел этот отказ обжаловать в суд, но суды ничего не поправили, сказали: «так как в перечне бумажек есть это указание, то, пожалуйста, принесите. Вы не представили, в архив Вы не обращались». А у него сложная ситуация: организация, в которой он когда-то работал, уже достаточно давно не существует. Вот он в архив и не ходил. И по суду его права не были восстановлены. Тогда он пошел в Конституционный Суд, который принял дело к рассмотрению и вынес не отказное и не позитивное определение, а аж целое постановление, в котором сказал примерно следующее: исходя из формулировки Закона о занятости населения, органы занятости не могут требовать от бывших индивидуальных предпринимателей эту самую справку. Поэтому Закон о занятости населения Конституции не противоречит, а трактовать его иным образом нельзя.

Что меня удивило в этом постановлении? То, что этот вопрос не очень-то для Конституционного Суда, как мне кажется. По результатам получилось, что никакого восхождения на уровень Конституции не произошло. И проблемы, с которой не могли бы справиться суды общей юрисдикции, я тут вообще не усматриваю. Кем выступил Конституционный Суд, как не очередной проверочной инстанцией в этом судебном деле? И такие решения у него периодически случаются.

Даже больше. Для него сейчас характерна общая правовая позиция: вы ко мне, пожалуйста, приходите тогда, когда вы не смогли восстановить свои права в обычном судебном порядке. А я, Конституционный Суд, – резервное и исключительное средство защиты прав. То есть в плане защиты прав не очень ясно, будет ли он все-таки проверять

законы и менять систему, которую эти законы создают, или же он будет проверять правоприменительные акты.

Надо сказать, что в Законе о Конституционном Суде есть одно положение, которое творчески развито Судом и позволяет ему без специального полномочия проверять правоприменительную практику. В статье 74 говорится, что Конституционный Суд, принимая решение по делу, учитывает и оценивает не только буквальный смысл нормы, но и тот смысл, который в эту норму вкладывает сложившаяся правоприменительная практика, официальное или иное толкование, а также решает дело исходя из места этой нормы в системе норм.

Конституционный Суд очень развил свою практику по проверке – де-факто – правоприменительных решений судов общей юрисдикции. Это вносит некоторую сумятицу: что необходимо конкретно обжаловать в Конституционный Суд? когда мы можем прогнозировать успех? когда мы должны доказывать, что проблема – в законе, и закон не позволяет правоприменителям действовать так, а не иначе? или же все-таки правоприменительные органы ошиблись, неверно трактуя норму? Понятно, что предмет доказывания в одном и другом случаях серьезно будет различаться. Самое главное, в сложившейся ситуации нет совершенно никакой возможности предполагать успех обращения.

Елена Анатольевна спросила, можем ли мы обратиться в Конституционный Суд в случае неисполнения решения Конституционного Суда или еще куда-то, и как вообще ставить вопрос. Вы знаете, Конституционный Суд в этом плане уже кое-что сделал, уже предпринял некоторые шаги, которые, если отстраниться и посмотреть на проблему дистанцируясь, выглядят реально странно. Я поясню, в чем здесь дело.

Где-то с 2014 года Конституционный Суд практикует возврат к оценке конституционности нормы. Более того, на сайте Конституционного Суда есть статья сегодняшнего руководителя Секретариата Суда Владимира Александровича Сивицкого, которая так и называется – «Возвращение Конституционного Суда к оценке конституционности нормы». Он там объясняет, доказывает, что Конституционный Суд не только вправе, но и обязан в некоторых случаях такие вещи делать, то есть возвращаться к оценке конституционности.

Какой можно привести пример текущего года? Это дело о ВИЧ-инфицированных иностранцах. До марта 2015 года Конституционный Суд выносил два определения по данной проблеме. Это были не отказные, а положительные, позитивные определения – с правовой позицией. Он говорил, что выдворять из России ВИЧ-инфицированных иностранных граждан, имеющих здесь семьи, огульно нельзя. Надо, во всяком случае, чтобы суд принял решение о выдворении только тогда, когда это необходимо, при безусловном учете семейной ситуации ВИЧ-инфицированного иностранца. А в марте 2015 года появилось постановление, где Конституционный Суд все-таки признал нормы, которые позволяют выдворять ВИЧ-инфицированных иностранцев, в определенной мере не соответствующими Конституции. И он там специально подчеркнул, что суды не учитывают правовые позиции, которые он высказывал, игнорируют семейную ситуацию ВИЧ-инфицированных иностранцев, и, дескать, он сейчас просто вынужден признать эти нормы не соответствующими Конституции. Таких дел было несколько.

Я не знаю, насколько правильно ставить перед Конституционным Судом прямой вопрос о неисполнении его решений, и признает ли он норму неконституционной потому, что в судебных актах игнорируется его собственная практика. Но если дело действительно обстоит так, то у того, кто добивается защиты прав в Конституционном Суде, появляется дополнительный аргумент. Об этом я могу говорить уже с уверенностью.

Я сказала, что если отстраниться, то ситуация выглядит довольно странной. Не могу себе помыслить, чтобы Верховный Суд США или Федеральный конституционный суд Германии были бы вынуждены возвращаться к оценке конституционности нормы из-за того, что другие суды игнорируют их позиции.

Касательно системы норм, которые регулируют исполнение решений Конституционного Суда. Эта система норм, скажем так, дефектна. Правда, в ней есть некоторые положительные подвижки. Не могу не упомянуть кое-что, что мне кажется важным.

Сперва напомним вот о чем: как выглядит наша модель конституционного правосудия?

Допустим, гражданин привлечен по суду к юридической ответственности. Он не согласен с судебным решением и обращается в вышестоящую инстанцию. Потом он может подвергнуть сомнению конституционность нормы, положенной в основание решения, пойти для этого в Конституционный Суд. Допустим, Конституционный Суд с ним соглашается и говорит, что закон Конституции не соответствует, что санкция, например, несоразмерна деянию, которое этот человек совершил. И что происходит дальше? А дальше – Конституционный Суд сам-то по существу дело не рассматривает и не дает никаких конкретных указаний конкретным судам, как эту ситуацию можно поправить. Вот этот гражданин должен брать решение Конституционного Суда и идти самостоятельно в суд общей юрисдикции, в арбитражный суд и добиваться там справедливости уже после решения Конституционного Суда. Причем совершенно с негарантированным результатом. Конституционный Суд имеет позицию, что суды (арбитражный, общей юрисдикции) должны как минимум открыть производство после решения Конституционного Суда, но как они по существу дело рассмотрят – зависит от исследования фактических обстоятельств. Может статься так, что это решение Конституционного Суда не поможет данному гражданину. И такие случаи в практике есть. Вот такая неполная система конституционного правосудия существует в Российской Федерации.

Я обещала сказать о положительном моменте, который произошел в 2015 году. Был принят и вступил в силу Кодекс административного судопроизводства. Я очень порадовалась, когда в двух статьях этого Кодекса увидела упоминание о Конституционном Суде. Во-первых, это статья 180, которая называется «Содержание решения суда». Так вот, там указано: в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления ЕСПЧ и Конституционного Суда. Во всяком случае, появился какой-то статус, что ли, актов Конституционного Суда для судов в отраслевом законодательстве. По сравнению с ГПК, УПК, АПК и КоАП это все-таки шаг вперед.

И вторая статья в КАС, которая меня заинтересовала. Она выглядит достаточно сильной в сложившихся обстоятельствах. Посмотрим, как это будет работать на практике. Статья называется «Основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке» (310). Основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке – это, в том числе, нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права. И далее мы читаем, что неправильным применением норм материального права является неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда. Такого тоже в прочих процессуальных кодексах нет. И это прогресс КАС, конечно.

Я не смотрела проект объединенного процессуального кодекса, который придет на смену ГПК и АПК, пока еще не было времени. Вроде бы такой проект готовится. И если там будет содержаться что-нибудь подобное, это будет очень хорошо.

В общем, сейчас мы с точностью не можем определить, какое место Конституционный Суд занимает в системе судебной защиты прав. Во всяком случае, я не могу. И здесь есть какие-то противоречивые, разнонаправленные тенденции. Эти тенденции обусловлены и системными вещами, такими как законодательное регулирование, вообще все, что происходит в российской судебной системе. Ведь, наверное, не зря Конституционный Суд взвалил на себя те обязательства, о которых говорила Елена Анатольевна. Не от хорошей жизни, да? Потому что суды не всегда справляются с тем, чтобы применять Конституцию Российской Федерации при разрешении дел. Есть здесь вина Конституционного Суда, нет здесь вины Конституционного Суда – это отдельный вопрос, но суды просто этого не делают. В общем, системная вещь. Но и ситуационная. Общая ситуация в стране влияет на Конституционный Суд. Эти вот метания, которые мы видим, наверное, тоже ею продиктованы.

Е.А. ЛУКЬЯНОВА

У нас на кафедре сейчас сдана диссертация о негативной роли аппарата Конституционного Суда в правозащите. Павел Блохин. Мы ее читали. Роль секретариата – негативная по содержанию.

О.Н. КРЯЖКОВА

Это, наверное, мой соавтор по книжке Павел Блохин. Он изнутри смотрит на ситуацию, ему можно вполне доверять в оценках. Поэтому я присоединяюсь к его выводам.

В заключение хочу отразить еще одну вещь, о которой сказала Елена Анатольевна. Так вышло, что я недавно прочитала книжку американского социального психолога Филиппа Зимбардо, того, кто проводил стенфордский тюремный эксперимент. Книжка называется «Эффект Люцифера», она потрясающая. Я оттуда одну цитату почерпнула: «Плохие системы создают плохие ситуации, которые делают плохих людей». Это, к слову, о том, как мы должны оценивать роль Конституционного Суда в сегодняшней России. Что тому виной – плохие, извините, люди, которые там собрались или все-таки плохая система, которая создала такую плохую ситуацию?

А мнение, что зло бездействия ему свойственно, я разделяю и горячо поддерживаю. Спасибо большое.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо большое, Ольга Николаевна.

У нас последний доклад перед обедом. Николай Владимирович Васильев, советник Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге. Называется его сообщение «Применение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации к деятельности регионального Уполномоченного по правам человека на примере Санкт-Петербурга». Пожалуйста, Николай Владимирович.

Н.В. ВАСИЛЬЕВ

Я благодарю за возможность выступить с коротким сообщением перед столь уважаемой аудиторией и постараюсь сделать его действительно коротким, чтобы ваше право на обед никоим образом не ограничивать.

Но прежде чем рассказать, каким образом региональный уполномоченный применяет правовые позиции Конституционного Суда в своей деятельности, я хотел бы сделать несколько оговорок, которые касаются самих принципов деятельности регионального уполномоченного.

Первое. Нужно упомянуть о том, что буквально до 15 сентября, до вступления в силу Указа, региональные уполномоченные не имели возможности обращаться в суды общей юрисдикции. А именно в судах общей юрисдикции звучит наибольшая часть правовых позиций Конституционного Суда, принятых постановлений и решений.

Второе. Не все однозначно с законодательной инициативой региональных уполномоченных. У части региональных уполномоченных она существует, у другой – нет. В Санкт-Петербурге, например, до сегодняшнего дня у уполномоченного по правам человека такая инициатива отсутствует. Дело в том, что когда Конституционный Суд выносит решение, в котором фактически дается поручение федеральному или региональному законодателю предусмотреть те или иные правила регулирования в соответствии с установленным конституционным смыслом правовой нормы, региональный законодатель активно применяет правовые позиции Конституционного Суда. И когда уполномоченный в этом не участвует, в этом есть некая недоработка.

Третье, что нужно упомянуть, – какое правило. Не у всех региональных уполномоченных имеется право обращаться в региональный конституционный или

уставный суд. А ведь именно там пытаются таким же образом проявлять преемственность позиций Конституционного Суда Российской Федерации, отражая их в своих решениях. И ни у одного регионального уполномоченного нет права на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации. Должно оно быть или нет – вопрос, очевидно, непростой. Может быть, хотя бы с позиций региональных законов региональный уполномоченный мог бы обратиться. Тут не все просто со статусом регионального уполномоченного.

И последняя особенность. До последних изменений в законодательстве региональный уполномоченный фактически взаимодействовал только с региональными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления. Деятельность с территориальными подразделениями федеральных органов осуществлялась либо на основе двухсторонних полномочий, либо в рамках законодательства об обращениях граждан, не более того.

Вот, кстати, Елена Анатольевна Лукьянова упомянула, что у судей судов общей юрисдикции их конституционное самообразование практически очень низкое. Хочется сказать, что должностные лица региональных органов исполнительной власти и местного самоуправления вообще находятся в конституционном бессилии. Никто из них никогда не возьмет на себя ответственность конституционного толкования той или иной нормы; будет ожидание некой директивы, указания либо более высокого нормативного правового акта, для того чтобы смысл конституционной правовой нормы продвигался на низовой уровень. Это построение вертикали власти привело к тому, что правовая инертность существует на низовых уровнях просто железобетонным барьером. Таким образом, может показаться, что региональный уполномоченный никоим образом теперь не может применить правовые позиции Конституционного Суда в своей деятельности. В моем коротком выступлении я попробую вас убедить в обратном.

Изучение практики Санкт-петербургского уполномоченного по правам человека показало, что таких направлений можно выделить три. Первое направление, – когда уполномоченный непосредственно обращается не в законодательный орган, а, например, в правительство Санкт-Петербурга, к губернатору Санкт-Петербурга с тем, чтобы осуществлялось то или иное изменение – независимо от того, прошли или не прошли жалобы. Я бы назвал этот способ «от общего к общему». Принята позиция Конституционного Суда Российской Федерации, уже упоминавшаяся февральская № 4-п 2014 года, в которой было зафиксировано положение о том, сколько должно быть мест, специально отведенных для выражения мнения без специального уведомления. Вы знаете, что Федеральный закон отнес это на усмотрение субъекта Российской Федерации. Закон Санкт-Петербурга передал это полномочие Правительству Санкт-Петербурга, а Правительство Санкт-Петербурга в первоначальном своем постановлении № 1363 от 24 декабря 2012 года установило одно-единственное место, в котором для проведения публичного мероприятия не требовалось уведомления. В дальнейшем, в 2013 году, 14 февраля, выходит это постановление, где звучит формулировка, что органам исполнительной власти субъекта Российской Федерации при определении специально отведенных для проведения публичных мероприятий мест следует исходить из необходимости наличия таких мест как минимум в каждом городском округе и муниципальном районе. И в этой связи уполномоченный по правам человека обращался к губернатору Санкт-Петербурга. В результате этой переписки родилось постановление № 283 от 24 апреля 2014 года об увеличении числа таких мест. В настоящее время их пять.

Вторая форма взаимодействия (можно назвать ее «от частного к общему») – когда имеется конкретная жалоба гражданина, которая показывает проблему существующего в практике применения исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации либо нормативно-правового регулирования.

В качестве примеров можно привести очень долгие, длительные процессы. В настоящее время, например, идет переписка по одному постановлению Конституционного Суда, очень старому, всем известному № 4-п 1998 года, которое касается вопросов свободы передвижения граждан на территории Российской Федерации, в частности, того, какую роль играет регистрация по месту жительства и месту пребывания. Проблема отчасти связана с Социальным кодексом Санкт-Петербурга и отчасти с постановлением правительства № 1010 от 17.08.2007 о том, как осуществляются постановка и снятие с учета гражданина без

определенного места жительства. И там прописано, что такой гражданин может становиться на учет только в случае, если его последняя регистрация по месту жительства была в Санкт-Петербурге. Вопрос связан непосредственно с регистрацией. И здесь эта правовая инертность проявляется достаточно длительно. Федеральные органы власти, такие как прокуратура, поддерживают уполномоченного, но не обладают соответствующими полномочиями, чтобы принять соответствующее изменение. Органы же субъекта пока что окончательно это решение не принимают. Они вроде и не возражают. Скажем, в Социальном кодексе ушли от формулировки регистрации по месту жительства, там звучит «место жительства гражданина», а чем оно установлено, не определено. Но вот в этом постановлении сказано только о регистрации по месту жительства.

И третий вариант. Его можно назвать «непосредственно к общему». Это когда ни жалобы, ни обращения гражданина не существует, а толкование или применение правовых позиций осуществляется непосредственно в момент принятия решения теми или иными органами.

В качестве примера приведу участие уполномоченного в деятельности призывных комиссий (это не государственный орган, но он обладает публичными полномочиями). Так уж случилось, что в Санкт-Петербурге уполномоченный очень активно участвует в деятельности этих комиссий на городском и районном уровне. И часто возникает вопрос на самих комиссиях о толковании Статьи 11 Закона об альтернативной гражданской службе, где речь идет о сроке подачи заявления для альтернативной гражданской службы. Является ли шестимесячный срок пресекательным или нет?

У комиссии часто возникает желание применять Закон непосредственно. Если установлен срок 6 месяцев, то за его пределами ты опоздал, ты не можешь подавать заявление, ни о какой альтернативной гражданской службе вопрос не ставится. Сотрудники аппарата уполномоченного, присутствующие в качестве членов призывной комиссии, непосредственно во время призывной комиссии ссылаются на определение Конституционного Суда № 447-о от 17 октября 2006 года (это как раз случай позитивных определений Конституционного Суда), где указывается, что само по себе истечение срока еще не означает того факта, что заявление не должно рассматриваться. Конституционный Суд не принял решения по вопросу, почему вообще этот срок нужен, но, во всяком случае, обязал во всех без исключения случаях рассматривать вопрос о том, пропущен срок по уважительной причине или нет. Это имеет свои плоды. Непосредственно на заседаниях комиссии, руководствуясь вот этим определением Конституционного Суда, рассматривают указанные заявления и в некоторых случаях даже восстанавливают срок, если действительно признают, что он пропущен по уважительной причине.

С 15 сентября вступил в силу Кодекс административного судопроизводства, который предусмотрел возможность регионального уполномоченного по правам человека обращаться в суды общей юрисдикции по обжалованию не нормативных актов, а решений и действий государственных органов в защиту неопределенного круга лиц. Может быть, это каким-то образом поможет и расширит практику применения правовых позиций со стороны региональных уполномоченных.

Большое спасибо за внимание.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо большое, Николай Владимирович.

Коллеги, у нас сейчас такая дилемма: либо мы сейчас выпускаем на помост Алексея Алексеевича Ливеровского, он как раз укладывается до обеда, либо мы начинаем уже сейчас обсуждение, а после обеда Алексей Алексеевич с новыми силами начнет свое сообщение.

Пожалуйста, Алексей Алексеевич.

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Уважаемые коллеги, я ощущаю чувство некоторой неловкости. Меня пригласили мои старинные друзья – Юра Нестеров, Наташа Евдокимова, Миша Амосов, и я не мог им отказать. Пришел, но зачем вам мои теоретические рассуждения? Я ушел из политики, отошел и от практической юриспруденции. С другой стороны, я твердо знаю, что ничто так не «практично», как хорошая теория. По крайней мере, четкие теоретические представления мешают нам делать глупости. И очень интересно, если научные исследования перекликаются с возникшими сегодня проблемами, например, с теми, о которых рассказывала Ольга Николаевна Кряжкова, к работам которой я давно отношусь с большим интересом.

Речь идет об институте судебного адвоката. Что это такое? Анализируя судебную практику Уставного суда Санкт-Петербурга, можно обратить внимание, что нередко суд принимает, так называемые, отказные определения, то есть, не берётся рассматривать дело по существу. Обычно, суд ссылается на недостатки правового обоснования, выполненного заявителем. Правовой казус есть, большая проблема существует, а необходимую правовую форму предмета обращения гражданину представить не удалось. Возникает ощущение, что Уставный суд Санкт-Петербурга по каким-то причинам уклоняется от принятия решения по существу, оставляя проблему не решенной, не защитив права заявителя. При этом бывает, что один или несколько судей в приложенном к определению об отказе особом мнении, все же указывают на правовую возможность принятия этого запроса к рассмотрению.

Так грешит не только Уставный суд Санкт-Петербурга, но и Конституционный Суд Российской Федерации, который тоже иногда не хочет брать на себя ответственность за решение некоторых правовых проблем. Разумеется, мотивировки приводятся вполне обоснованные - слава Богу, квалификации судьям хватает. Могу привести пример: по крайне актуальным делам, связанным с регулированием антимонопольной деятельности, Конституционный Суд Российской Федерации принял несколько отказных определений (правда, с позитивным содержанием, что позволило все-таки представить определенные правовые позиции) и только одно постановление, решающее соответствующий запрос по существу. А ведь за каждым таким отказом остаётся нерешенная проблема.

Что же, представляет из себя институт судебного адвоката? Судебный адвокат - это не процессуальная фигура, обычная в традиционном судебном разбирательстве, а чиновник суда, который по просьбе заявителя уточняет жалобу до судебного разбирательства, помогает заявителю создать такую правовую форму обоснования, которая не позволит суду уклониться от решения проблемы, ссылаясь на её недостаточность или неправомерность. Такой институт существует в немецком конституционном правосудии. Очень хорошо бы и нам ввести. Это первый момент.

Второй момент. Когда говорят о соединении судов, очень часто называют некие политические причины. Сегодня уважаемый коллега Шейнис сказал о том, что идея объединения судов обсуждалась еще на стадии создания проектов Конституции, предлагалось создать высшее судебное присутствие – орган, объединяющий все ветви судебной власти. Эта идея, между прочим, обсуждалась вновь, в связи с принятием решения об объединении двух верховных судов. К счастью, у Валерия Дмитриевича Зорькина хватило политического влияния, чтобы не допустить слияния в эту схему Конституционного Суда Российской Федерации.

Правовой мотив объединения высших органов судебной власти обозначался как попытка достичь единообразия законоприменения, осуществляемого судами. Действительно, правовые позиции, устанавливаемые разными высшими судебными органами в разъяснениях по вопросам судебной практики, и которыми, естественно, руководствуются суды, часто различались, что, разумеется, не хорошо. В частности, разъяснения Пленума Высшего Арбитражного суда, расходились с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации. Однако, «лечить» подобную проблему следует иными способами, без слияния и централизации, а исходя из других, теоретико-правовых соображений.

Начну с цитирования чрезвычайно основательной и актуальной монографии судьи Конституционного Суда Российской Федерации Николая Семеновича Бондаря «Судебный конституционализм в России»: «Без преувеличения можно сказать, что не одна ветвь власти, в том числе и родственная – судебная, не любит Конституционный Суд. Это и понятно: ведь Конституционный Суд является, по сути, судом над властью». В этой острой, даже эмоциональной форме правовед не только представляет свое видение сути конституционной юстиции, но и определенную «энергию заблуждения», позволяющую в доктринальном плане противопоставить ей иной взгляд на правовую природу деятельности органов конституционного нормоконтроля.

Во-первых, Конституционный Суд не судит власть в традиционном смысле этого понятия. Устанавливая, что принятый закон не соответствует Конституции, Конституционный Суд не ставит вопрос о вине законодателя, или об его ответственности за нарушение Конституции. Конституционный Суд, фиксируя расхождение норм закона с текущим состоянием конституционного развития, удаляет их из законодательного пространства (объявляя их недействительными). Во-вторых, несмотря на то, что у этого органа конституционного нормоконтроля все атрибуты органа судебной власти, природа его решений содержательно иная, нежели у традиционных судов.

Суды общей юрисдикции – законоприменительные органы. Судьи устанавливают в процессуальном порядке фактические обстоятельства дела и подбирают соответствующий им закон. Надо отметить, что и оценка доказательств, предъявляемых сторонами в процессе, и выбор подходящего закона – абстрактной модели, приближающей реальную ситуацию, имеют субъективный характер. Тема субъективности судебного усмотрения – это отдельная тема. Главный вывод – суды общей юрисдикции применяют законы.

Органы конституционного нормоконтроля законы не применяют. Для принятия решения, судьи сравнивают нормы законов с положениями Конституции. Это очень сложно. Надо находить баланс конституционных принципов, регулирующих общественные отношения, именно в рамках рассматриваемого дела, исходя из ценностного анализа всего хода конституционного и историко-политического развития нашего государства. Конституционный Суд, толкуя конституционные принципы, создают новые принципы – правовые позиции, являющиеся источниками права. Таким образом, Конституционный Суд – правотворческий, а не правоприменительный орган. Правовые позиции Конституционного Суда, развивая заложенное в Конституции право, корректируют путь конституционного развития нашего государства. Их нельзя сравнивать с «мнением» верховных судов, полученным в результате анализа сложившейся правоприменительной практики.

Да, права Елена Анатольевна Лукьянова, которая считает, что резолютивная часть это чисто судебный акт, с его общеобязательностью и жесткими правовыми последствиями. Конституционный Суд и должен быть судом, но его отличие от традиционных судебных органов состоит в том, что основной смысл его деятельности не фискальный, а правотворческий. Правотворчество, как и законотворчество не должно быть догматично. Разумеется, принятые решения Конституционного Суда не отменяемы и должны быть незыблемыми, но его правовые позиции являются гибкими доктринами, более тонко приближающие действительность, нежели закон. Например, если социальная и политико-правовая ситуация такова, что губернаторов следует назначать, то подбирается одно толкование Конституции, если ситуация изменилась, то можно перейти к выборам, установив иной баланс конституционных принципов.

Надо понимать, что в 1993 году наш народ, приняв Конституцию, выбрал демократический путь к правовому государству. И наша страна пошла по этому пути. Мне, как конституционалисту, особенно ясно видно, что наше реальное «конституционное пространство» пока не совпадает с конституционным проектом. Правовые позиции Конституционного Суда, на которых строится его решение - это не просто согласованное мнение 19 судей, с которым иные суды или правоведы могут согласиться или не согласиться, это безусловный императив, установленное Конституцией обеспечение ее верховенства в живом процессе конституционного развития. Нравятся ли нам или не нравятся решения Конституционного Суда, но у нас нет иного конституционного инструмента для ограничения власти.

А насчет внедрения теоретических конструкций в практику, в том числе, и в судебную, могу доложить, что, по просьбе Игоря Юрьевича Артемьева – руководителя федеральной антимонопольной службы, в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете создано постоянно действующее совещание, куда входят судьи арбитражных судов, руководители антимонопольных органов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, представители Конституционного Суда Российской Федерации, крупных предпринимателей. Ученые нашего вуза помогают выявить наиболее «болевые точки» законодательной системы и сложившейся судебной практики – ситуации, когда закон и суд противостоят здравому смыслу. Выясняется, что абстрактные теоретические обсуждения иногда помогают преодолеть мучительную конкретику. Спасибо за приглашение и за внимание.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо, Алексей Алексеевич. Ты сейчас задал такой заряд для дальнейшей дискуссии!

Прошу записываться для выступлений.

/ П е р е р ы в /

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Коллеги, начинаем вторую часть нашего заседания. Я записала всех, кто хочет выступить или задать вопросы. А сейчас я хочу предоставить слово Нестерову Юрию Михайловичу, который является членом Правозащитного совета Санкт-Петербурга. У него очень славное прошлое: он был депутатом Совета народных депутатов РСФСР (последнего, как вы помните), депутатом второго созыва Государственной думы и членом Конституционного совещания.

Ю.М. НЕСТЕРОВ

Добрый день, дорогие друзья!

Во-первых, я хочу выразить восхищение докладчиками, огромное удовлетворение оттого, что нам удалось собрать здесь таких замечательных людей.

Во-вторых, что касается Конституционного совещания и моей компетенции в конституционных вопросах, то она чрезвычайно низка, и я на эту тему ни одного слова говорить не буду, несмотря на то, что мне вручили дорогой «паркер» на торжественном заключительном заседании этого Конституционного совещания, утвердившего некий проект Конституции, так и не ставший, как напомнил Виктор Леонидович, Конституцией Российской Федерации. Но «паркер» в коллекции остался.

Теперь вот о чем. Несколько месяцев тому назад в повестке дня нашего Правозащитного совета появился вопрос о некоторых решениях Конституционного Суда. Предполагалось, что мы друг другу объясним, почему мы эти решения считаем неправильными. Конечно, речь шла не о правильных решениях Конституционного Суда, а о тех, которые мы считаем неправильными. Мы должны были друг другу обосновать, почему мы правы, когда считаем неправильными те или иные решения Конституционного Суда. Именно тогда я предложил изменить формат этого мероприятия, потому что в последнее время либеральная демократическая часть общества постоянно реагирует не только на Конституционный Суд, но и на разнообразные решения государственной власти, объясняя самим себе и обществу, почему эти решения нехороши.

Практически нет никаких шансов, что эта позиция будет услышана и как-то реализована в текущей политике. Но ситуация рано или поздно изменится. Сегодня призывали не давать оценок, но я и не даю оценок, а просто констатирую, что рано или поздно политическая ситуация в стране изменится. Неизвестно, когда это наступит, но самое плохое, что может

сейчас сделать либерально-демократическое общество, это оказаться интеллектуально неготовым, опять интеллектуально неготовым. Это наступит только после того, как в стране изменится политическая ситуация, начнется лихорадочное согласование, выработка позиций, что нам надо изменить, исправить в той искореженной политической системе, которая становится всё искореженнее с каждым днем. Поэтому самое главное, чтобы наш круглый стол не остался одним из немногочисленных, но время от времени повторяющихся событий, когда очень квалифицированное экспертное сообщество дает очень квалифицированные оценки ситуации, но ничего не предлагает и даже не думает о том, как сделать, чтобы реализовались планы тогда, после часа «Х», в час «Х+1». Кто-то должен внести эту повестку дня в политический дискурс, в политическую повседневность. И эксперты не могут оставаться посторонними по отношению к политическому процессу, происходящему в нашей стране.

Мне бы очень хотелось, чтобы в оставшиеся три часа нашего круглого стола и докладчики, и выступающие в дискуссии предложили бы свои ответы на простой вопрос, что нам делать с результатами, с тем контентом, который сегодня рождается, что нам с ним делать, чтобы этот контент хоть как-то становился политической реальностью.

Как минимум, я могу пообещать от имени организаторов, с которыми мы это согласовали, что будет текст, соответствующий сегодняшнему круглому столу (аудиозапись, переведенная в обычный печатный текст). Разумеется, все получают на вычитку свои выступления, внося какие-то свои изменения, если это будет необходимо, после чего мы найдем возможность это издать. Тираж может быть ничтожный, мы найдем средства на тираж. Если мы это сделаем, то кому этот контент предлагать?

Я сформулирую несколько вопросов.

Первый. Согласны ли вы с тем, чтобы появился печатный труд по итогам круглого стола?

Второй вопрос. Кого вы себе представляете адресатами этого материала? Какими вам видятся дальнейшие действия нашего сообщества по продвижению материала? Как вариант, например: грядет избирательная кампания. Да, субъектами политического процесса являются политические партии. Отстраниться от этого невозможно. Может быть, предложить им?

Еще вопрос. Из того, что сегодня говорилось докладчиками, у меня сложилось совершенно очевидное ощущение, что в час «Х+1» придется принимать новую редакцию Закона «О Конституционном Суде», внося исправления. Но надо, чтобы текст этого уже закона или только концепции фигурировал в нашем публичном политическом пространстве. Как это сделать?

Я сейчас не могу дать ответа на эти вопросы и попросил у Натальи Леонидовны микрофон только для того, чтобы поставить перед вами эти вопросы и попросить, по возможности, дать свои варианты ответов.

Спасибо.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо, Юрий Михайлович.

Морщакова Тамара Георгиевна, не нуждающаяся в представлении. Пожалуйста, Тамара Георгиевна.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Я думаю, что у нас получается очень интересное обсуждение. Оно интересно тем, что как бы мы ни говорили, что все эксперты не очень независимые, мы здесь ощущаем себя все-таки как независимые эксперты, и это очень важно.

Вопрос, который мы поставили, все время выводит нас на интересные практические задачки. На что он заставляет нас отвечать? Нужно или не нужно конституционное правосудие, возможно ли оно в такой системе, которая существует у нас.

Третий вопрос. Если это не подлинно конституционное правосудие, то, может быть, надо как-то попытаться продлить его существование в более или менее приличном виде. И как раз мы выходим на то, о чем сказал Юрий Михайлович, что из этого всего у нас может получиться.

Мне бы хотелось, чтобы мы все, каждый для себя и все вместе, немного более точно осознали и возможности, и необходимые черты, необходимую парадигму конституционного правосудия в нашей стране. Я не буду сейчас ничего говорить по поводу очень чувствительного и трогательного для меня выступления Виктора Леонидовича, потому что это можно оставить на потом. Это можно анализировать, когда мы бы стали смотреть, что было изначально, может быть, не совсем сделано точно, правильно, и дало нам те результаты, которые мы имеем. Но прояснить правовую сторону того, что представляет собой позиция Конституционного Суда, каково ее значение, мы должны сейчас, потому что иначе теория (абсолютная ваша правда, Юрий Михайлович) не будет готова. Кстати, я должна сказать, что в тот момент, когда мы с вами были причастны к деятельности Конституционного совещания, была хорошая база для работы.

Теория права складывалась на базе советского законовещения (даже не правоведения, потому что это больше тогда существовало как законоведение) и звучала всегда среди всех учебных юридических дисциплин, но она оказалась готовой, чтобы предложить вполне сносные решения, оцененные цивилизованным демократическим международным сообществом как находящиеся на уровне современных решений. Другое дело, что из этого потом вышло.

Я сейчас не беру весь масштаб Конституции, весь масштаб конституционализма, но очень хочется, чтобы хотя бы в этой маленькой области мы тоже к чему-то оказались готовыми. Я очень разделяю эту позицию, которую Юрий Михайлович нам сейчас совершенно своевременно обозначил.

В отношении позиции Конституционного Суда, юридического значения его решений, неисполнения его решений, негативной или позитивной его роли, мне кажется, наши представления общие и у каждого в отдельности требуют определенной системы уточнений. Пока я только хочу остановиться на этой необходимой системе уточнений.

Есть вопросы, по которым я всегда спорю со всеми своими коллегами исходя из чисто правовой логики: независимо от того, полезно было бы то, что они предлагают внедрить, привело бы оно с большим успехом к какому-то продвижению вперед, чем то, что мы имеем сейчас. Вот и надо поговорить по тем пунктам, которые должны быть уточнены с точки зрения чистой теории. Я бы остановила ваше внимание на одной общей проблеме. Всегда было известно, что нельзя построить социализм в отдельно взятой деревне. Абсолютно ту же ситуацию мы имеем, когда говорим о том, на что мы можем надеяться и что бы хотели видеть от конституционного правосудия.

Многие проблемы, которые здесь прозвучали, это не проблемы конституционного правосудия. В действительности это проблемы совсем другого уровня. Как минимум, если подниматься только на одну ступеньку вверх, не намного, а только на одну, и это все лежит в области, скажем так, судебной деятельности, то это как минимум проблемы всей судебной системы.

Можно привести маленькую иллюстрацию. Например, когда разрабатывался проект закона о Конституционном Суде, его разработчики настаивали на том, чтобы все, что касается финансовой, материально-организационной основы деятельности Конституционного Суда и вообще жизнедеятельности судей, устанавливалось

исключительно законом. Нам сегодня Виктор Леонидович напомнил об указах президента. Вот чтобы этого не было...

Е.А. ЛУКЪЯНОВА

Это же заложено в самом законе.

Т.Г. МОРЩАКОВА

В законе заложено не совсем то, там заложены основы правового статуса.

Е.А. ЛУКЪЯНОВА

Нет, там сказано, что может финансироваться подзаконными актами.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Так вот этого как раз и нельзя, Елена Анатольевна. Нельзя! И изначальный проект исходил из очень простой вещи, если хотите, даже не выдуманной нами, а сочинявшейся тогда по образцу Австрийского Конституционного суда. Первые шесть статей Закона об Австрийском Конституционном суде – это статьи о том, что судьям положено, потому что все остальное – не положено. И когда это было заложено в проекте, все встали дыбом. Пусть простят меня тогдашние народные депутаты, которые очень отличались от нынешних, и в лучшую сторону, так как они были действительно чрезвычайно активными и не были так руководимы из единого центра или даже из нескольких не очень мультиплицированных центров принятия решений.

Я помню журналистские статьи. Мы много вспоминаем историю. Мы все время должны оборачиваться на себя, на всех нас в целом. Целая журналистская буря возмущения покрыла первые же попытки судей Конституционного Суда сказать, что не надо оставлять нас без законного регулирования. Судьи Конституционного Суда заботятся только о том, как им лучше устроить себя материально, и хотят это иметь в первых статьях закона.

На самом деле вся судебная система сейчас находится в таком виде. Даже если есть теперь такие федеральные законы, которые на уровне всей судебной системы в целом содержат какие-то гарантии, то надо заботиться уже об их содержании: они по содержанию иногда плохи, по форме ничего, приличны. Хотя нормы приняты уже на уровне федеральных законов, они не исключают подзаконного регулирования, и более того, даже того регулирования, которое основано на произволе, скажем так, правоприменителя, а правоприменителями законов о статусе судей и о всяком их обеспечении являются председатели судов в своем нынешнем статусе, когда они могут вообще всё по отношению к судье.

Вот на этом месте мы можем поставить жирную точку в проблеме хоть какого-то основания независимости судов вообще и конституционного правосудия в частности. Это объективное обстоятельство, и мы должны его иметь в виду, если хотим иметь какие-то рекомендации для нашего с вами общего лучшего будущего.

Но такие вопросы касаются отнюдь не только этой стороны; они касаются и того, что представляют собой решения Конституционного Суда (мы много говорили здесь об этом) как нечто обязательное.

Какой тезис часто выдвигает общество? Решение суда обязательно. Из этого вытекают две вещи. Первая – особая ответственность Конституционного Суда (все формулируется совершенно верно) за то, что он делает с помощью своих обязательных решений. И понятно, что многие решения вызывают и должны вызывать отрицательную реакцию, особенно по очень значимым социальным вопросам, которые здесь уже назывались. Что такое «политическая деятельность» – не определено. Как обеспечивать свободу таких вещей в области реализации политических прав, как свобода демонстраций, свобода

многопартийного развития и так далее? На эти вопросы Конституционный Суд не отвечает удовлетворительно. Мы все этим можем быть недовольны.

Но дальше возникает другой вопрос. Иногда Конституционный Суд принимает решения, которые помогли бы правозащитной деятельности или защите прав конкретного человека в конкретном деле. И тут общество и юристы предлагают нам совершенно противоположные подходы. Здесь они тоже прозвучали.

Одна часть общества говорит, что решения не исполняются. Да, решения не исполняются, и они не исполняются не потому (я не отрицаю этот тезис Елены Анатольевны), что судьям в других судах трудно понять мотивировочную часть или что-нибудь еще. Они не исполняются потому, что суды не хотят и не будут исполнять эти решения. Причина этого простая – нет независимого суда и независимого правосудия.

Сказано было, что обязанность исполнения решений Конституционного Суда гарантирована недостаточно. В связи с этим я хочу поставить перед всеми присутствующими один вопрос: а кто у нас отвечает за исполнение решений суда? Кому адресована обязательность этих решений? Опять звучат два противоположных тезиса. Один такой (Ольга Николаевна сказала) – является ли Конституционный Суд четвертой инстанцией. Есть точка зрения, что нечего вообще ему в это вмешиваться, он не должен быть четвертой инстанцией. А другая точка зрения звучит иначе; она вообще говорит, что Конституционный Суд активничает не только потому, что он как бы вмешивается в компетенцию судов другого вида юрисдикции (общих, арбитражных судов), но еще и потому, что распространяет обязательную юридическую силу резолютивной части своих решений на всё вообще.

Очень правильно было сказано: за долгое-долгое время своей деятельности Конституционный Суд сформулировал позицию, согласно которой то, что написано в мотивировке, является обязательным. С какой точки зрения это верно?

Любое решение Конституционного Суда по жалобе гражданина (всегда на норму, правда?) или по запросам других каких-то участников процесса построено на двух китах (тут трех китов нет). Первый кит – толкование нормы Конституции, на соответствие которой проверяется норма закона. Какой второй кит? Толкование отраслевой нормы, которая проверяется, потому что иначе их соотнести нельзя.

Что мы имеем в реальности? Судебная система Российской Федерации (в ее адрес скажу нелицеприятно) отвергает и первую, и вторую компетенции Конституционного Суда. Она отрицает компетенцию Конституционного Суда толковать Конституцию, потому что она говорит, что это можно сделать только в одной процедуре – в процедуре запроса об абстрактном толковании Конституции. А дальше не можете, это не ваше. Как можно проверить соответствие конституционной норме отраслевой нормы, если ты не знаешь, в чем смысл нормы конституционной? Без этого проверка вообще невозможна.

И второе, что они говорят: «Ах, вы еще толкуете простой закон, тот, который вы проверяете? Какое вы имеете на это право? Это – наша компетенция!» Всё!

Вот вам полная парализация деятельности КС. Ясно, что суды при таком подходе никогда не будут исполнять решения КС, потому что они в одном случае считают, что Конституционный Суд вышел за пределы своей компетенции в области абстрактного толкования Конституции, а в другом случае они утверждают, что Конституционный Суд посягнул на их компетенцию – толковать простой закон.

В связи с этим я не могу не возразить. То решение очень дорого мне, Елена Анатольевна, – решение 1998 года о толковании статей 125, 126 Конституции Российской Федерации по поводу того, как соотносится компетенция судов, общих и конституционных, в сфере проверки конституционности норм. Вот никто у них не отбирал этого! Более того, Конституционный Суд никогда не предполагал забрать у общих судов не то что право, а их обязанность, согласно Конституции, применять только тот закон, который они признают конституционным. А если они его не признают конституционным, они не должны его применять ни в коем случае. Спор шел только по одному простому вопросу. Суды общей юрисдикции тогда еще были более активными (я бы сказала так) и говорили, что «если какая-то норма, которая подлежит применению в конкретном деле, с нашей точки зрения

неконституционна, мы ее откладываем в сторону и выносим решение; всё, больше нам ничего не надо». Потому что Верховный Суд спорил тогда с обязанностью каждого суда в конкретном деле: если он приходил к выводу о неконституционности нормы отраслевого законодательства, то следовало обратиться все-таки в КС, чтобы Конституционный Суд лишил эту норму юридической силы, потому что иначе нарушалось другое принципиальное положение Конституции, когда одни суды применяли бы эту норму, а кто-то бы ее дисквалифицировал. И это невозможно было терпеть на фоне конституционных принципов того же равенства всех перед законом и судом. А в Законе «О Конституционном Суде» было написано, что он лишает нормы юридической силы, если они противоречат Конституции. И что у судов есть право обратиться с запросом в Конституционный Суд... Так могу не обращаться, если я не применяю закон, вот в чем была суть проблемы!

Почему я это обозначаю? Если мы говорим о будущих необходимых решениях, то это надо как раз иметь в виду и не допускать того, что мы допустили, и не тогда, когда перестали проверять правоприменительную практику после отмены первого закона о Конституционном Суде, а много позже. Значительно позже, потому что в 2010 году законодатель поменял Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде» и сказал, что в Конституционный Суд обращается любой суд, рассматривающий дело, зачем и когда? До того, как он применил закон, если у него возникли сомнения в смысле этого закона. Вот это и есть сужение ответственности и компетенции судов общей юрисдикции за проверку нормативного содержания применяемого ими закона.

Конституционный Суд тогда высказался сверхуважительно по отношению к судам общей юрисдикции, отметив, что они вправе и обязаны решить дело на основе Конституции, если норма, которая, казалось бы, подлежит применению, в действительности нехороша, неконституционна. Но они должны прежде всего сделать это на основе собственного убеждения в том, что норма неконституционна. Если есть сомнения, то продолжать, как это предлагает теория права, устранять сомнения в содержании нормы.

Есть разные способы ее толкования. Вы должны прийти к убеждению, что можете и должны обратиться с запросом в Конституционный Суд. Обосновав какую позицию? Только одну, что норма неконституционна. Но тогда надо быть убежденным в этом, для чего ее необходимо проверить.

Этот момент очень тесно связан с вопросом о том, лишился ли Конституционный Суд возможности проверки практики и выходит ли за пределы своей компетенции, когда он проверяет закон в смысле придаваемого ему права правоприменительной практикой. Вот прежний закон «О Конституционном Суде» 1991 года содержал компетенцию КС, ограничивая определенными вещами. Какими? КС не проверял по жалобам граждан конституционность закона. Почему я об этом говорю? Потому что мы можем на эти грабли наступить второй раз. И Конституционный Суд вынужден был проверять так называемые обыкновения правоприменительной практики. Он, правда, широко истолковал это понятие, сказав: если дело прошло через все инстанции и закон применялся, ясно, что сложилось обыкновение. Это уже была его правозащитной направленности интерпретация этой компетенции. Действительно, если дело прошло не через одну инстанцию, то уже сложилась практика. Она необязательно должна насчитывать весь ряд судов, относящихся к одному звену судебной системы. Это Конституционный Суд мог делать, но дальше практика относительно какого вопроса проверялась? Относительно понимания закона, его содержания. Что с законом случилось? А ничего с законом не случилось. Вот на это как раз пришлось обращать внимание при втором, так сказать, издании Конституционного Суда или закона о нем, потому что суды говорили: ну, обыкновения вы признали неправильными, а законодатель закон не отменил. И поэтому появилось самостоятельное полномочие Конституционного Суда на основании конституционных норм лишать противоречащие смыслу Конституции акты юридической силы. Без этого нельзя.

Здесь говорили о балансе. Все это мы тоже должны иметь в виду – о каком-то консенсусе, к которому должны приходиться разные политические силы, или даже не политические, а эксперты в разных областях. А вот эксперты, допустим, в Конституционном совещании были не худшего свойства; но были представители и государственных органов, и субъектов Федерации, и науки, были представители всех судов. И Верховный Суд

железобетонно стоял на определенной позиции: закон отменять можете, судебную практику не троньте.

Ольга Николаевна сказала, что Конституционный Суд работает как четвертая инстанция. Вы знаете, мы идем в области конституционного правосудия по тем тропам, которые пройдены уже очень многими странами. И если мы возьмем оценку деятельности Конституционного Суда, допустим, КС ФРГ, а он во многих чертах был похож на нас изначально, то увидим: в судебной системе ФРГ все время появляются упреки, что Конституционный Суд является четвертой инстанцией, несмотря на то что там нет противоречий между позициями судов разных юрисдикций и есть объединенный сенат всех высших судов, который иногда толкует какие-то правовые понятия; только толкует их, не говоря, как решить конкретное дело, то есть выступает в роли чистого теоретика судебного правоприменения.

О.Н. КРЯЖКОВА

Уважаемые коллеги, только одна ремарка. Я вовсе не говорю о том, что это плохо, то, что Конституционный Суд – это четвертая инстанция. С моей точки зрения это совершенно нормально, и более того, я как раз полагаю, что единственный путь, который возможен для нашего конституционного правосудия, это полная конституционная жалоба.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Жалоба – вот!

О.Н. КРЯЖКОВА

Как в Германии.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Спасибо большое, Ольга Николаевна.

Я хотела закончить этой последней фразой, если мы говорим о будущем.

Мы прошли по одному закону, когда нельзя было ничего сделать с нормой. Мы прошли по другому закону, когда мы должны оправдываться в том, что получили четвертую инстанцию в лице Конституционного Суда.

А полная конституционная жалоба? Почему немцы имеют право обвинять свой Конституционный Суд в том, что он – четвертая инстанция? Потому что у них так называемая полная или подлинная конституционная жалоба? Они по-немецки говорят «echte», не полная – подлинная конституционная жалоба. И они говорят: у вас предусмотрена квазиконституционная жалоба для гражданина.

Что получается в действительности? Конституционный Суд вынес решение – оно ни для кого не обязательно. Толкования обязательности отрицает судебная система. И пересмотр решений практически отрицается судебной системой, чему способствует сам Конституционный Суд, потому что в своих решениях он пишет: дело по жалобе данного гражданина подлежит, во всяком случае, пересмотру, а дальше оговорка: если для этого нет других препятствий. Никто не знает, что это такое. Нам просто никак нельзя наступать на те же самые грабли.

То, что решения КС не исполняются, не может быть преодолено никакими призывами Конституционного Суда к законодателю «сделайте же что-нибудь!», ничем другим, кроме механизма. А механизм один – Конституционный Суд по конституционной жалобе граждан должен выносить решение по конкретному делу, то есть в какой мере он должен отменять решение, основанное на неконституционной норме или на неконституционном истолковании нормы. А дальше – ищите новое решение в общих судах. Спасибо.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо большое.

Виктор Леонидович, Вам даем договорить Вашу речь, пожалуйста.

В.Л. ШЕЙНИС

Большое спасибо.

Под влиянием того, что я услышал от Юрия Михайловича и Тамары Георгиевны, у меня несколько ушло желание договаривать свою речь. Не потому, что я считаю малозначительным то, что я собирался сказать. Я, наверное, неправильно построил свое выступление. Обычно так бывает всегда, когда выступаешь с какой-то темой в первый раз. Надо было перестроить доклад и сосредоточить внимание на реальной правоприменительной практике в свете решений Конституционного Суда. Но... поезд ушел, поставлен вопрос в несколько другой плоскости. Если вдруг у нас останется время и таково будет желание собравшихся, я хотел бы высказать некоторые соображения о роли председателя Конституционного Суда, который, как известно, избирался пять раз. И хотя прослеживается некая общая линия, тем не менее, на мой взгляд, это и в гражданском, и, наверное, в правовом смысле разные фигуры.

Повторяю, я готов к этому вернуться и несколько минут посвятить этому вопросу. Но сейчас это означало бы уводить дискуссию в сторону констатации реального положения вещей, а не поиск выхода, на который нас ориентировал Юрий Михайлович и так блистательно проанализировала Тамара Георгиевна.

Поэтому просто некоторые соображения по извечному проклятому русскому вопросу «что делать». Мне, кстати, в перерыве корреспондент тоже задавал вопрос на эту тему: что делать, если справедливые, очевидные решения не исполняются? Вопрос был поставлен следующим образом: Конституционный Суд уже, по-видимому, дал основание для закона, который установит право судов Российской Федерации (и не только судов, но и исполнительной власти) не исполнять решений Конституционного Суда. Мне тоже приходилось участвовать в дискуссиях на эту тему. Я соглашался с тем, что ужасно жалко миллиардов долларов по делу ЮКОСа, которые нам присудили, а заплатят ведь не те, кто устроил разгром ЮКОСа, а это пойдет из нашего с вами кармана. Ужасно жалко! Но решение Европейского Суда, по-видимому, является той зацепкой, которая раскрывает не правовой характер нашего законодательства и наших судебных решений по крайней мере перед мыслящей частью общества, перед тем прогрессивным или просвещенным классом, о котором с некоторым недоброжелательством пишет в своих последних статьях Валерий Дмитриевич.

На прямой вопрос «что делать» я ответил бы примерно так: всё равно надо биться головой о стенку. Пусть будут отказы, обоснованные, вероятно, полуправовым решением (такое витиеватое это июльское решение Конституционного Суда!) и абсолютно неправовым законом. Тут я беру на себя смелость судить о тексте, который не читал (вернее, я не уверен, что он вообще опубликован), – данный проект, который, собственно, на этой неделе (в понедельник) был утвержден в первом чтении нашей замечательной Государственной думой. Зная, что собой представляет это сообщество людей, я думаю, закон будет, скорее всего, неправовым.

Возникает вопрос, что вообще следует делать не только с данным законом, а вообще. Вот Тамара Георгиевна совершенно блистательно, на мой взгляд, проанализировала ситуацию с Конституционным Судом (Закон 1994 года) и показала, что следует сделать, что следует зафиксировать в Законе «О Конституционном Суде». Это очень полезно, очень нужно, потому что когда настанет время «Ч», очень важно, чтобы этот проект Закона лежал на столе. Я тоже думаю, что этот час когда-нибудь наступит, наверное, при жизни многих из здесь присутствующих, И сейчас, оборачиваясь на прошлое, я неслучайно довольно много времени посвятил изучению того, как это создавалось. Я считаю, что подвигом наших конституционалистов, далеко не только депутатов, а светлых умов, которые были приглашены по инициативе совершенно замечательного человека – имя его здесь пока не

прозвучало (Борис Андреевич Золотухин, который возглавлял Комитет по судебной реформе в первом российском парламенте), вот его усилиями и усилиями привлеченных людей были созданы очень хорошие законы. И что лучшее в законах, с моей точки зрения, – это концепция правовой реформы, которая чудесным образом была утверждена Верховным Советом, кажется, месяца через три после того, как был принят закон о Конституционном Суде.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Да, в октябре 1991 года.

В.Л. ШЕЙНИС

Но все это делалось в значительной мере «на коленке», потому что в очень богатой и очень полезной перестроечной публицистике авторы выходили скорее на общую постановку (что надо зафиксировать, как надо поступать), но не на конкретные законы.

У нас обсуждается более широкая проблема: какая нам нужна Российская Конституция. Я думаю, что если будет создано учредительное собрание (не знаю, в какой обстановке, каким будет его состав), на стол учредительного собрания будут положены определенные конституционные проекты.

В своей последней книге я выделил в основном три направления, три итога результатов работы коллективов правоведов. Это работа Михаила Александровича Краснова, который привлек своих студентов и аспирантов и составил проект. Я не со всем согласен, мне доводилось дискутировать по этому поводу, но это серьезный проект. Второй проект, который не доведен до уровня постатейного текста, но все-таки очень детальный (его легко превратить в постатейный текст), – это работа Андрея Николаевича Медушевского и его группы. И третий – ленинградский проект, в котором участвовали присутствующие здесь Михаил Иванович Амосов, Наталья Покровская, Борис Вишневский и другие. Там тоже содержатся очень конкретные предложения по реформе Конституции. Они разные, к очень важным и спорным вопросам они подходят по-разному. Возможно, появятся четвертый, пятый проекты, но это предмет разговора. Мне бы хотелось, чтобы учредительное собрание занялось этим всерьез.

Если говорить о выходе, который может дать сегодняшний круглый стол, то это – побудить участников и, возможно, людей, которых это заинтересует, написать проект закона о Конституционном Суде, что, в общем, является менее сложной задачей, чем та, которая стояла перед конституционалистами 1990-1991 года, потому что, во-первых, есть заделы, а во-вторых, есть практика, которая подтверждает или отвергает то, что сделано, то, что заложено в этих заделах. Вот конкретный выход, конкретное предложение.

Дальше. Возникает вопрос, который, на мой взгляд, выходит далеко за рамки сегодняшнего круглого стола и вообще дискуссий, возникающих среди конституционалистов. Я только обозначу его. Студентам первого курса юридических факультетов говорят (Лена, наверное, Вы говорите это своим студентам в одном из первых к ним обращений), что есть Конституция в книгах и есть Конституция в жизни, написанная и реальная. Каким образом эти хорошие (я не сомневаюсь) законопроекты и те замечательные идеи, которые развивала Тамара Георгиевна, можно воплотить в жизнь? Я думаю, что это вопрос чисто политический: каким образом можно изменить соотношение сил, положение в стране, чтобы, во-первых, собрать учредительное собрание, которое способно будет утверждать и конституцию, и главные законы? Во-вторых, в этом учредительном собрании следует провести эти замечательные проекты несмотря на сталкивающиеся тенденции. Вот это уже другой вопрос.

Спасибо.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Во-первых, Виктор Леонидович, я продолжу мысль Юрия Михайловича. Мы решили, что этот круглый стол будет первым заделом для дальнейшей работы. Поэтому у меня большая просьба ко всем участникам: подумать о том, что мы можем дальше обсуждать. Действительно, получилось очень интересное обсуждение, можно об этом написать (у всех есть адреса, в частности мой), поговорить. Хотелось бы, например, при следующих наших встречах поговорить о соотношении правовых позиций Конституционного Суда и Европейского Суда по правам человека. Вы уже начали об этом говорить. Это очень интересная вещь – именно правовые позиции.

Второе. Мне понравилась «конституционная мутация». Я хочу на примере показать вам чисто конституционную мутацию. Конституция Российской Федерации в 31-й статье говорит о том, что у нас есть право на митинги, демонстрации, пикеты, собрания. Был принят Закон Российской Федерации, в котором сказано: да-да, но только вот с такими ограничениями. Конституционный Суд, кроме двух судей, у которых было особое мнение, затвердил, что это конституционно. Что мы имеем сейчас? Мы имеем уголовную ответственность за четыре стояния с картонкой и первый прецедент.

Следующее – «иностранные агенты». У нас, работающих в общественных организациях, это на слуху. Если мы только начнем писать или работать над законом, тем более о Конституционном Суде, всех, кто этим будет заниматься, и их организации тут же признают иностранными агентами, потому что написание закона – это политическая деятельность.

И последнее, что я хочу сказать. В том решении Конституционного Суда об иностранных агентах была резолютивная часть о неадекватности штрафов. Это решение Государственная дума до сих пор не исполнила, не изменила законодательство. Дальше в решении КС было: если деньги не брал, а они пришли на счет, то не ты - агент. Но эту норму не исполняют суды. Дальше - в мотивировочной части было совершенно четко записано (мы говорим о том, что все решение Конституционного Суда нужно исполнять, в том числе мотивировочную часть, не только резолютивную), что если ты иностранный агент – ничего страшного, ты работаешь точно так же, тебе ничто не мешает. Что мы имеем? Уже три закона, которые ограничивают деятельность общественных организаций, НКО, «исполняющих функции иностранных агентов в Российской Федерации».

Механизм должен быть. Нет механизма – ничего другого не будет.

Вы хотите реплику?

Е.А. ЛУКЪЯНОВА

У меня есть предложение. Просто после того, что было сказано, я не буду выступать.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Я Вам вне очереди дам время. Подготовиться следующему – Борис Лазаревич Вишневский.

Е.А. ЛУКЪЯНОВА

Я хотела дать информацию, что буквально со следующей недели мы открываем междисциплинарный workshop «Читаем Конституцию». Он будет проходить на территории Высшей школы экономики, под ее эгидой, но на самом деле будет проводиться силами юристов разных отраслей. На сегодняшний день у нас получилось, что Конституционный Суд во многом прочитал Конституцию гораздо глубже, чем это сделали другие юристы; я имею в виду и прокуратуру, и судей, и преподавателей. Кроме образования и просвещения у нас тут ничего не получится. Мы должны разобраться все вместе. Этот workshop будет ежемесячным; мы будем его писать, монтировать и, скорее всего, выкладывать. Попробуем

первый раз 17-го числа. Можете зайти, зарегистрироваться. В последующем мы, наверное, сделаем участие и по скайпу.

Теперь о предложениях. Я бы сконцентрировалась на двух предложениях. Мы не будем тут писать законы, заниматься проектной деятельностью. Вот сейчас я вижу, что в научном и профессиональном сообществах у нас два очень острых вопроса, без которых мы ничего не сможем, которые абсолютно назрели. Это теория неправовых законов, где у нас до сих пор нет точных критериев. Они есть во всем мире, но их нет у нас. И нужно подвинуть преподавание и науку к этой теории. Уже пошло большое количество диссертаций, термин стал на слуху, но критериев пока нет. Это должна выработать наука. Это первое.

И второе. Пора заговорить всерьез о термине «противоречащая Конституции правоприменительная практика». Мы его тоже не вычисляли. Это задача ученых и педагогов.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо большое.

Борис Лазаревич, пожалуйста.

Б.Л. ВИШНЕВСКИЙ

Спасибо большое, коллеги. Я постараюсь говорить меньше, чем Виктор Леонидович, или, по крайней мере, не больше. Как любит говорить Михаил Иванович Амосов, если вы не будете меня останавливать, я быстрее закончу.

Я много лет наблюдаю за становлением и работой конституционного правосудия, написал на эту тему не один десяток статей, много раз выступал. Мне представляется, что события развиваются, к сожалению, в плохую сторону за последние как минимум полтора десятка лет, а может быть, даже и два.

Обратимся к статье 18 Конституции Российской Федерации. Что там написано? Права и свободы человека являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание, применение законов и работу всех органов государственной власти. Я могу ошибиться в запятых, но написано так.

Т.Г. МОРЦАКОВА

И обеспечиваются правосудием.

Б.Л. ВИШНЕВСКИЙ

Да-да-да, и обеспечиваются правосудием. Так вот – не обеспечиваются.

Мы видим, особенно в последние годы, как издается большое число законов, направленных только на одно – на максимальное затруднение реализации гражданами их конституционных прав, на создание все новых и новых препятствий на пути их реализации. Это касается и избирательного законодательства, и законодательства о массовых акциях, и многих других вопросов, которые непосредственно касаются прав человека.

Было бы естественным, если бы конституционное правосудие защищало граждан от этих поползновений, а по соответствующим жалобам и запросам принимались решения о признании этих запретов и ограничений неконституционными. Я не знаю ни одного прецедента (может быть, кто-то знает из присутствующих здесь, в том числе уважаемых юристов), когда хотя бы один запрет на реализацию гражданами их конституционных прав был признан неконституционным на заседании Конституционного Суда в его официальном постановлении. Нет, к моему глубокому сожалению. При всем моем огромном уважении к Конституционному Суду, с целым рядом его судей я знаком по два десятка лет и очень их уважаю. В последние особенно годы (может быть, я употреблю не самое удачное

сравнение) суд больше напоминает мне адвоката власти, чем Конституционный Суд. Все решения, которые принимаются в русле, я бы сказал, тренда, имеющегося у наших властей, а это ограничение политической конкуренции, это воспрепятствование реализации прав граждан, это установление политической монополии, – все эти решения находят поддержку в Конституционном Суде, ни одно из них не отменяется. Да, суд принимает много решений по жалобам граждан на неконституционность отдельных норм, отдельных законов и защищает их права. Эти решения есть, их нельзя не отметить, их много, но ни по одному принципиальному для власти именно политическому вопросу, который связан с организацией власти, политической системы, избирательным законодательством и так далее, суд ни разу не принял решения, которое власти было бы невыгодно. Это может быть продиктовано одной из двух причин.

Причина первая. В Кремле, в президентской администрации, в Государственной думе сидят гении, которые никогда не ошибаются. Все решения, которые они принимают, верные, к ним невозможно придраться. Я ведь не предлагаю решение; я, как обычно, предлагаю выбор.

Вторая причина. В этих решениях, которые принимаются, часто встречаются дефекты, но правосудие не работает как правосудие, оно не оценивает эти решения на соответствие Конституции; оно оценивает их на соответствие политической конъюнктуре. У меня давно уже возникает ощущение, что нет таких желаний нашей президентской администрации, которые, к сожалению, Конституционный Суд – при его высочайшей квалификации и некотором напряжении сил – не смог бы не признать соответствующими Конституции полностью.

С чем это связано? Я не открою Америки, если скажу, что эффективность Конституционного Суда, наверное, как и любого другого, определяется тремя вещами. Она определяется тем, как сформулированы условия обращения в Конституционный Суд, кто может обратиться и с чем. Она определяется полномочиями суда, то есть что он может сделать на основе этого обращения. И она определяется тем, в каком порядке назначаются судьи. Вот, на мой взгляд, три главных элемента. По всем трем элементам мы видим, что Закон «О Конституционном Суде» сформулирован так, чтобы сделать эффективность суда минимальной. Даже Закон «О Конституционном Суде РСФСР», самый первый, 1991 года, историю которого рассказывал Виктор Леонидович, был значительно лучше нынешнего. Насколько я помню (Виктор Леонидович, Тамара Георгиевна и Юрий Михайлович меня поправят), в 1992 году жалобы даже одного народного депутата России было достаточно для рассмотрения в Конституционном Суде. В 1993 году была принята Конституция. Кстати, отдельный вопрос о том, а была ли она принята вообще. По моим представлениям, там не было 50% участвующих в голосовании. Была зафиксирована норма, по которой обращение могло быть направлено не менее чем одной пятой депутатов Государственной думы, Совета Федерации или законодательного органа субъекта Федерации, чем резко был ограничен круг субъектов обращения. Кроме того, Виктор Леонидович об этом говорил, Конституционный Суд лишился права принимать решения по собственной инициативе. Он превратился, я бы сказал, в некотором плане в факс, который поставлен на автоматический прием: что прислали, то и рассматриваем. Он ничего сам рассматривать не может.

Теперь что касается полномочий. Тут мало что изменилось, но, например, Конституционный Суд, к сожалению, ограничивает сам себя в праве своей законодательной инициативы.

Наконец, самое главное – порядок назначения. Неужели кто-то в этом зале и за его пределами всерьез думает, что в системе, где все судьи Конституционного Суда представляются к назначению президентом, будет допущено появление в Конституционном суде людей, которые потом признают неконституционными решения Конституционного Суда. Я напому 1993 год.

С.А.ЦЫПЛЯЕВ

Я знаю такого человека.

Б.Л.ВИШНЕВСКИЙ

Ну вот, один такой человек есть. Я поздравляю Сергея Алексеевича – он неисправимый идеалист. Меня, к сожалению, жизнь уже немного избавила от этих иллюзий.

Так вот, я вынужден обратиться к 1993 году. Это одна из тех редких ситуаций, в которой, например, наши мнения с уважаемой Тамарой Георгиевной Морщаковой решительно разошлись – в оценке Указа № 1400. Простите, да не было там ничего сложного! Я, может быть, рассуждаю несколько поверхностно, но у меня хорошая память, я прекрасно помню норму Конституции: полномочия президента Российской Федерации не могут быть использованы для воспрепятствования или приостановления деятельности законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно. Эта фраза была записана в Конституции. Чтобы ее истолковать, на мой взгляд, не нужно очень много сил. Основания были для того, чтобы были немедленно прекращены президентские полномочия.

Но что было потом? Я обращаю ваше внимание на обычную арифметику. Тогда у нас было 13 судей в Конституционном Суде. Девять из них проголосовали за то, чтобы признать Указ № 1400 неконституционным и дающим основания для немедленного прекращения полномочий президента, а четверо проголосовали против. Сколько судей установила Конституция 1993 года? Девятнадцать. То есть это было сделано ровно для того, чтобы президент имел гарантированное большинство в Конституционном Суде, по крайней мере, по наиболее принципиальным вопросам. Ну а потом, как известно, появление уже следующих судей могло быть инициировано только президентом.

Что мы имеем на сегодняшний день? Юрий Михайлович сказал: давайте думать, что нам делать в час «X+1». Как бы изменить закон? Во-первых, я сказал бы, что не только Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде» надо будет менять в этот час «X+1», но и многие другие. Этим законом мы не сможем ограничиться. Но мне кажется, что как минимум есть все основания взять за базу то, что было. Новое – это хорошо забытое старое: взять прежний закон 1991 года, посмотреть, какие вещи в нем, наверное, надо было бы поменять. Но только категорически надо убирать механизм назначения по представлению президента, резко смягчать условия обращения в Конституционный Суд, и только в этом случае мы можем надеяться, что получим реально эффективно работающее конституционное правосудие.

И последнее. Мне тоже очень интересно, что будет происходить с неизбежным, на мой взгляд, обжалованием в Конституционном Суде знаменитой уже статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Это как Наталья Леонидовна сказала: четыре раза постоял – получил уголовное наказание. На мой взгляд, более неконституционный закон просто трудно было придумать, ибо количество административных нарушений в соответствии с базовыми принципами не только права, но и арифметики не может переходить в уголовное качество, от сложения любого числа нулей единица не появляется. Я уже не говорю о вопиющем противоречии этого закона принципу, да простят меня здесь присутствующие юристы, я осмелюсь этот принцип произнести, может быть, даже не ошибусь: *non bis in idem* – никто не должен отвечать дважды за одно и то же. Так вот, в данном случае мы имеем ярчайшую иллюстрацию ровно этого принципа. Если человек совершил одно административное нарушение, два, десять, он уже понес за них наказание. После этого его невиновность презюмируется автоматически. Он не может потом быть наказан в уголовном порядке еще раз на основании того, что он еще до этого совершил, и суд уже оценил, наказал или признал его невиновным.

Но у меня есть огромные сомнения, просто огромные, что Конституционный Суд в нынешнем его составе и с нынешним, я бы сказал, направлением деятельности признает эту статью неконституционной. Я думаю, что разбираться с этим придется Европейскому Суду по правам человека, а потом будет запущена процедура блокировки исполнения решений Конституционного Суда, уже в соответствии с новыми веяниями. Мне тоже интересно будет на это посмотреть.

В общем, последнее – это слова того самого известного водопроводчика из советских времен: «Тут всю систему менять надо!» Тут одним Законом о Конституционном Суде не обойдешься.

Спасибо.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо большое, Борис Лазаревич.

Прежде чем передать слово Сергею Алексеевичу Цыпляеву, я прочитаю то, что мне принесла сейчас Елена Владимировна Шахова.

Интерфакс.ру. Москва. 12 декабря.

«Несогласованная акция оппозиции в Новопушкинском сквере в День Конституции завершилась задержанием порядка 30 человек, как сообщил Интерфаксу в субботу один из организаторов акции. По его словам, на данный момент известно о 33 задержанных. Они находятся в УВД Тверской-Мещанской, некоторые из задержанных все еще находятся в полицейских автобусах в районе Пушкинской площади. Среди задержанных оппозиционеров члены партии «Яблоко», включая ее лидера Сергея Митрохина, правозащитник Глеб Пономарев, журналист Александр Рыклин, а также один из авторов Конституции Российской Федерации, бывший помощник президента Бориса Ельцина – Георгий Сатаров», с чем вас и поздравляю.

Сергей Алексеевич, вам слово.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

Спасибо.

Уважаемые коллеги!

Я тоже начну про Конституционное совещание с того, что мы должны к чему-то готовиться и как-то работать. Я был привлечен как юридический эксперт в секцию № 2 Регионы. После первого дня споров среди профессуры о категориях, высоких материях все разбежались; остался только один профессор, по-моему, Чиркин. Он очень хорошо знал систематику и говорил, что в этой стране так, а в этой стране эдак. А по ночам в Архангельском ваш покорный слуга, физик по образованию, сидел и переделывал итоги дискуссии в конституционные тексты. Вот почему есть некоторая проблема: о категориях мы, конечно, поговорим, а создавать конкретные тексты и законы – это, оказывается, гораздо сложнее.

По поводу идей, которые здесь прозвучали. Опыт учредительного Конституционного совещания показывает, что самое страшное, что только можно себе представить, – сегодня собрать учредительное собрание. Войти в него легко, но выйдем мы из него, скорее всего, без России. Более того, я хочу сказать, что претензии к Конституции сводятся буквально к нескольким статьям. Вы сможете реально удержать в новом учредительном совещании уровень главы «Права и свободы человека»? Вы сможете удержать федерализм? Вы сможете удержать местное самоуправление? Я вам гарантирую, что ничего этого вы удержать не сможете, потому что учредительное собрание будет состоять не столько из высоколобых демократических юристов, сколько из большинства людей, которые, вам известно, как сегодня настроены.

Я могу сказать, что в нашем собрании картина была такая: субъекты Российской Федерации и республики требовали контрольный пакет в Совете Федерации, иначе они покинут совещание, а наши регионы – равноправия, в противном случае они тоже покинут совещание. В итоге приходилось формулировать такие варианты Конституции, что даже говорить об этом сейчас не хочется. В результате, например, был введен такой термин (ну, отрицательную блокировку дали республикам) – понятие федеральных конституционных законов, где требуется три четверти в Совете Федерации (тем самым у автономий есть возможность блокировать).

Я бы сказал, что Конституция у нас, вообще-то говоря, весьма неплохо получилась. Более того, я считаю, что эта Конституция нам на вырост. Мы до нее еще далеко-далеко не дошагали, до того, чтобы по ней жить. Выбрана самая простая модель – трехколесный

велосипед, президентско-парламентская республика. Мы не готовы к президентской республике, которая лично мне нравится больше. И абсолютно не готовы к парламентской, поскольку она предъявляет самые высокие требования к политическому, культурному, образовательному и иным уровням нации. Поэтому кроме колоссальных проблем, я думаю, мы там ничего не получим.

Сложность в том, что мы по-прежнему живем по понятиям, а не по Конституции. Меня крайне удручает, например, поведение нашей интеллигенции, которая непрерывно пишет письма президенту по любому поводу. Например, письмо президенту по поводу того, кто будет возглавлять Большой театр. А почему не Папе Римскому, почему не психиатру, почему президенту? И мы постоянно требуем от президента, чтобы он стал диктатором, направляя ему письма по любому поводу. Мы – те люди, которые пишут письма президенту.

Собрался Общероссийский гражданский форум, ставится вопрос об амнистии. Выходят представители наших организаций и начинают собирать письма к президенту по поводу амнистии. Я задаю вопрос: «Коллеги, вы знаете, кто по Конституции объявляет амнистию? Амнистию объявляет Государственная дума. Почему мы не пишем письмо Государственной думе?» – Ответ: «Ну, Вы же знаете, как у нас все происходит». Вот как мы делаем, так оно и будет происходить.

Я бы хотел сказать, что Конституция в целом за это время проявила себя довольно нормальным механизмом. Внесены три изменения. Два ухудшают Конституцию однозначно: удлинение сроков полномочий президента и парламента и возможность назначения 10% сенаторов, членов Совета Федерации решением президента, поскольку это полностью разрушает тонкий баланс, строившийся между отдельными субъектами, о котором, как я понимаю, они просто не помнят, не знают, не осознают при принятии этих решений.

Одно решение (лучше бы, наверное, его не принимать, но оно более нейтрально) – это объединение судов. На самом деле во время конституционного совещания обсуждался как один из вариантов вообще единый суд – Верховный суд по американскому варианту. И на самом деле, как всегда, приняли консервативную точку зрения. Ну, раз так, лучше не ломать. Но, в принципе, мы могли выйти с одним судом из того конституционного совещания. Там такая модель тоже рассматривалась.

Кстати, это уже в качестве некоторой детали: по конституционному совещанию ходил Степанков и грустно просил куда-нибудь вписать прокуратуру, потому что прокуратуры в Конституции не было.

В итоге приняли решение, что надо куда-нибудь деть этот орган, который вообще не вписывается в понятие республиканского устройства – «око государево», и его вписали в судебную власть. Если вы посмотрите (это, конечно, дефект Конституции, но что делать), там вообще неизвестно, чем они занимаются. Вообще ни слова о назначении прокуратуры, хотя она присутствует в Конституции.

И еще там была одна история, когда товарищи юристы не знают математики. Это я отдельно потом расскажу.

Теперь по поводу некоторых позиций. Есть надежда, что мы придем к часу «Ч», и если мы только не напишем законы, у нас все пропадет. Я сильно боюсь, что основная мысль будет заключаться в том, что в час «Ч» будет сказано: плохой царь, он нас не накормил; даешь нового царя, хорошего, который нас накормит. А все остальное совершенно не будет касаться никаких более существенных вопросов.

Глубокий человек Максимилиан Волошин написал еще в послереволюционное время: «...не в первый раз, мечтая о свободе, мы строим новую тюрьму». Поэтому я считаю, что без просветительской работы, без того, чтобы все эти вещи находили понимание и поддержку в народе, без создания местного самоуправления, которое является школой демократии, все остальное – в значительной степени прекраснодушные мечты о том, что мы сейчас подправим закон, сделаем из Конституции автоматический регулятор Уатта – и оно само поедет, без проведения громадной воспитательной работы.

По поводу обязательности решений суда: ну невозможно к Конституционному Суду приделать спецназ или конституционных приставов! Ясное дело, что в значительной

степени судебная власть – в разделении властей самая слабая по определению. Самая сильная власть – законодательная, но она не работает, потому что мы фактически формируем такой законодательный орган. И без возникновения работающей законодательной власти всё остальное будет просто невозможно. Как мы можем сделать представительную власть нормальной? Вот это придется решать очень тяжело и политически, и организационно.

Я думаю, что здесь нам тоже надо о многом подумать. Я помню, как под громадные аплодисменты и из общих идеологических и теоретических соображений мы начинали вводить пропорциональную систему выборов, которая полностью уничтожила парламент в наших условиях. И мы по-прежнему настаиваем, что эта система правильная. Мы имеем номера списков, мы вообще не имеем там ни людей, ни личностей, никого. Вот результат упорного следования догматическим представлениям, от которых, похоже, придется отказываться.

И последняя позиция по конкретным делам. Возникла просто дискуссия: Конституционный Суд и губернаторы. На самом деле это самая позорная страница Конституционного Суда, которая у нас сегодня есть, поскольку Конституционный Суд два раза принял противоположные решения по одному и тому же вопросу. Он не силу проявил; он проявил свою слабость.

Было решение («Алтайское дело»), в котором четко было сказано, что законодательный орган власти региона не вправе наделять полномочиями главу исполнительной власти региона. Решение Конституционного Суда окончательное, пересмотру не подлежит. Дальше наступает назначение. И дальше суд начинает говорить: принимая во внимание политическую ситуацию и так далее и тому подобное, – и суд меняет свое решение на противоположное.

О какой силе можно говорить? Это самое большое пятно на его белом мундире. Тем более что тут такая логика: центральная власть назначает прокурора, регионального милиционера, начальника ФСБ – всю силовую верхушку. Почему криминал рвется во власть, а не сидит в тюрьме? Лично вы этим утверждением (его Сергей Марков начинал предъявлять) сказали, что федеральная власть полностью провалилась в кадровой работе. Дальше вы предлагаете, чтобы он еще и губернатора назначил, когда он показал свою полную неспособность назначать кадры в регионы, которые обязаны бороться с криминалом. А криминал у нас, видите ли, во власть рвется.

Эта история как раз говорит о том, что и по Конституционному Суду, и по Верховному, и по нашим законодательным органам у нас проблемы гораздо глубже. Я вообще не понимаю, как можно построить республику из верноподданных, а не из республиканцев, в том числе из судей Конституционного Суда, которые, грубо говоря, не готовы стоять на своем.

Еще один комментарий. Я вообще не понимаю возражений по поводу того, что у нас появляется конституционный судья, любой судья Верховного Суда в результате решения президента и парламента. Они вместе решают кандидатуру судьи. Кто, по-вашему, должен назначать судей? Господь Бог?

Б.Л. ВИШНЕВСКИЙ

Тот, кто утверждает, не может от себя представлять.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

Они вместе. Я объясняю – вместе. Если вы не дали согласия, то этого человека не будет. Они не должны быть равными.

И второй момент. Вы забываете одно обстоятельство, что в реальной обстановке далеко не каждый президент назначает судей. Он чаще всего получает их от предыдущих президентов. Разница в том, что президенты работают срок (президент – это не самый страшный зверь в этой жизни, уверяю вас), а судья – бессрочно. И поэтому не каждому

президенту выпадает право назначить судью. Об этом не надо забывать. Сегодня большинство судей, которые достались господину Путину, были назначены в какие времена, каким президентом? Вот в этом весь вопрос.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Нет, теперь они уже им назначены.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

Очень многие – с тех времен.

Т.Г. МОРЩАКОВА

С 2002 по 2015 годы все назначены им. Из старых осталось четыре человека.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

Проблема в том, что сейчас должен был быть другой президент. Поэтому проблема не в Конституционном Суде.

Дело не в том, чтобы менять назначение Конституционного Суда; следует обеспечить выполнение того, чтобы каждый президент работал два срока и уходил. Поэтому мы, понимаете, начинаем лечить совершенно не ту сторону.

Т.Г. МОРЩАКОВА

А Совет Федерации не подчиняется приказу. Тогда можно.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

Конечно.

И последнее. До тех пор пока мы не будем иметь достаточно людей, готовых бороться за закон как за свои стены, все остальные ухищрения нас мало к чему приведут. Одними законами здесь не отделаешься. Еще раз хочу подчеркнуть: надо воспитывать, говорить об этом, бороться, привлекать, иначе невозможно.

Я не согласен с тем, что надо биться головой о стену, потому что вы, может быть, еще не в ту стену бьетесь. Поэтому главный адресат разговора сегодня – это собственный народ; ему надо пытаться рассказывать, объяснять, используя все возможности, иначе он вам построит еще одну тюрьму на новом заходе, что, собственно, мы и получили в 90-м году, не понимая, что будет дальше, каков будет идти колоссальный реставрационный импульс изнутри собственного народа.

Спасибо.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо большое.

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Можно одну реплику?

Вы обращались ко мне, по крайней мере, глазами и по существу, да? Мне хотелось бы просто уточнить некоторые моменты.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Пожалуйста, Алексей Алексеевич.

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Дело в том, что я прекрасно знаю решение по «Алтайскому делу» и другое решение. Никто не отменял решения Конституционного Суда и не изменял. Изменились правовые позиции. Обращаю Ваше внимание: а кто сказал, что правовые позиции так же, как и законы, на самом деле не могут изменяться? Извините меня, пожалуйста, но я, например, считаю, что существует правотворческий процесс Конституционного Суда – и есть законодательный процесс органов, которые издают законы. И точно так же, как иногда мы изменяем законы, могут изменяться и правовые позиции. Поэтому Ваше утверждение, что Конституционный Суд изменил свое решение, не соответствует действительности.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

Извините, он принял иное решение по тому же вопросу. Когда снова встал вопрос, имеет ли право законодательный орган...

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Он принял решение по совершенно другому конкретному делу.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

Я не сказал, что он изменил решение. Он принял противоположное решение по тому же вопросу. Был поставлен вопрос, имеет ли право законодательный орган субъекта Федерации наделять полномочиями главу органа исполнительной власти. В «Алтайском деле» было сказано: нет, не имеет. В этой ситуации было сказано: да, имеет. Вот в чем вопрос. Не президент назначал.

/Реплики не от микрофона неразборчивы/

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Ну, коллеги, изменились правовые позиции Конституционного Суда. Услышали? Это вы услышали.

Михаил Иванович Амосов.

М.И. АМОСОВ

Да, друзья мои, я хочу сказать, что в отличие от большинства выступавших докладчиков я совершенно не юрист. По образованию я географ. И мне, по сути, в этой дискуссии доступен почти только один метод – сравнительно-географический. Поэтому я прошу меня заранее извинить: мне придется сразу же отказаться от такого подхода, когда мы будем говорить только о Российской Федерации, потому что, мне кажется, мы должны посмотреть шире и понять, что происходит.

Кстати, последняя дискуссия между двумя уважаемыми мною коллегами была очень полезна для понимания того, что происходит.

У меня несколько тезисов.

Во-первых, я должен сказать, что когда выступал Алексей Алексеевич Ливеровский, говоря, что правовые позиции меняются, мы все в этот момент, во всяком случае мы с Вишневым, хотели его задушить.

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Что же не сделали?

М.И. АМОСОВ

А вот сейчас я скажу, почему этого не произошло. Я не знаю, как там по поводу правовых позиций, так как имею дилетантское наблюдение. Существует такая страна – Соединенные Штаты Америки, где Конституция принята довольно давно, как мы знаем, лет 200 назад. Исполняя роль Конституционного Суда, Верховный Суд Соединенных Штатов недавно принял очень интересное решение о том, что нельзя запрещать однополые браки. По сути, это решение Конституционного Суда Америки.

Чем руководствовались судьи? Грубо говоря, если я могу заключить (теоретически) гражданский союз с сидящей со мной справа Ольгой Леонидовной, то почему я не могу заключить гражданский союз с сидящим слева от меня Алексеем Алексеевичем?

/Смех в зале/

Ведь мы же все граждане. Ведь и в том и в другом случае речь идет о моем взаимодействии с гражданами. Вот логика американских судей. Они говорят, что раз все граждане равны, вне зависимости от пола, то все гражданско-правовые союзы возможны – вне зависимости от пола.

А теперь задумаемся. Они ссылались на американскую Конституцию, принятую 200 лет назад. Но я хочу напомнить, это знают все, что при этой же американской Конституции, например, существовало такое положение, когда часть граждан Америки были рабами – жители Америки; они даже не были гражданами в полном смысле слова, они были рабами. Дискриминация по расовому принципу при этой же Конституции существовала еще в 50-е годы XX века.

Мы имеем некую юридическую конструкцию, которая на самом деле допускает очень серьезные трансформации: трансформации права, взаимоотношений между людьми и так далее. Вот это мой первый тезис. В этом смысле Алексей Алексеевич, когда он говорил о возможности неких трансформаций, был в чем-то прав. То есть время меняет прочтение этих скрижалей. Понятно, что время – это жизнь людей, смена поколений. Это то, о чем говорит уважаемый коллега Цыпляев, что придут другие поколения, которые будут лучше нас, культурнее. Там будут другие конституционные судьи и так далее.

Второй мой тезис. Конституционный Суд, друзья мои, как бы этого ни хотелось юристам и Алексею Алексеевичу, это не просто часть правовой системы. Я убежден, что это часть политической системы. И в этом-то вся штука. Вот из-за этого разгорается дискуссия «Цыпляев–Ливеровский». Понимаете? Потому что они спорят фактически о политическом решении, о политической конструкции, об устройстве политической власти в нашей стране...

Т.Г. МОРЩАКОВА

Верховный Суд – часть политической системы Америки?

М.И. АМОСОВ

Да, конечно. Я как раз хотел развить эту мысль на примере Верховного Суда Америки, возвращаясь к сравнительно-географическому подходу.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Он не пересматривает...

М.И. АМОСОВ

Не знаю. Вот тут я не специалист. Я хочу сказать о другом. Я был в Верховном Суде Америки как политик, имел возможность там пообщаться с людьми из аппарата и прочее. И вот с огромным удивлением я выяснил для себя, что практически про каждого судью известно кто он – демократ или республиканец.

Мы понимаем, что в Америке нет фиксированного членства в политической партии, но они точно знают: если этого назначил Буш, значит, он республиканец, а если этого назначил Картер, значит, он демократ. И они, судьи, сохраняют, в общем-то, верность этим политическим партиям, что проявилось, например, во время известного разбирательства, которое не дошло практически до Верховного Суда, когда разбирались по делу о подведении итогов выборов «Гор–Буш». Там была ситуация, когда стали спорить, правильно ли подсчитали во Флориде, а во флоридском суде большинство было, если не ошибаюсь, за Гора, и всё шло хорошо. Но в этот момент все поняли, что дальше дело пойдет в Верховный Суд, а там большинство республиканцев. Поэтому этот процесс был остановлен просто за бессмысленностью. То есть все заранее понимали, что республиканское большинство проголосует, при том там, конечно, эти люди не получают никаких указаний со Старой площади и так далее. Вот так работает политическая система.

Б.Л. ВИШНЕВСКИЙ

У них нет Старой площади.

М.И. АМОСОВ

У них есть Администрация президента.

Вот мой второй тезис, что это – часть политической системы, и нам от этого никуда не деться.

И здесь я подхожу к третьей ключевой вещи. Мы все, здесь собравшиеся, наверное, мечтаем не просто о правовой системе, развитой и так далее, на основах которой строилась бы наша политическая система; мы хотим иметь демократическую систему. А что такое демократическая система? Я здесь сошлюсь на американского политолога Адама Пшиворского, который, мне кажется, дал такое дилетантское, но очень нравящееся мне определение, что демократия – это такая политическая система, когда время от времени правящая партия проигрывает на выборах и уступает, таким образом, власть.

Мы сейчас выходим на ту самую тему, которую здесь применительно к губернаторским выборам затронули наши коллеги. Получается, что без политической конкуренции мы не можем рассчитывать на объективное рассмотрение дел Конституционным Судом и по большому счету вообще в судебной системе. Вот это моя позиция. Я бы сказал, что чем более качественная политическая конкуренция присутствует в нашем обществе, тем свободнее принимает решение Конституционный Суд. Вот такая моя гипотеза.

Поэтому мы, конечно, должны стремиться к повышению политической конкуренции, к развитию политических партий и конкуренции между ними, потому что в этом определении Пшиворского важную роль играет такой элемент политической системы, как политические партии. Без политических партий демократия просто не может существовать. Это то, о чем я давно говорю Ливеровскому и Цыпляеву.

Здесь мы подходим к той теме, о которой говорили, что система формирования может быть и та, которая существует сейчас, когда ключевую роль играет президент. Это нормально, но должна быть более серьезная ротация президентов. Вот эта запись «подряд», это единственное слово испортило нам очень многое – два срока подряд.

Т.Г. МОРЦАКОВА

Просто неправильно использовано.

ИЗ ЗАЛА

Дословно то же самое во французской Конституции, и все всё понимают.

М.И. АМОСОВ

Там другая немного политическая культура.

Хочу отметить, друзья мои, последние два момента. Я не говорил бы об этом, если бы не Виктор Леонидович.

Как раз пафос той книжки, которую написали Вишневский, Покровская, Евдокимова и я, состоит в том, что мы предлагаем не менять Конституцию. Может быть, чуть-чуть некоторые позиции, но не более того. Мы показывали, что это можно сделать в рамках действующей Конституции, изменив всего лишь одну статью. Я считаю, что очень важно двигаться постепенно, шаг за шагом. С какой ситуацией мы здесь столкнемся? Без политической конкуренции не может быть свободного Конституционного Суда и судебной системы. Но без свободного Конституционного Суда и судебной системы не может быть политической конкуренции. Поэтому мы должны развивать и то и другое, двигаясь шаг за шагом.

И вот в связи с этим последнее мое наблюдение. Я хочу сказать, что из этого спора, который был передо мною среди двух выступавших, есть одна очень интересная ситуация. Казалось бы, мы вернули в законодательство прямые выборы губернаторов. Казалось бы! Но там есть одна маленькая оговорка, которая, на мой взгляд, полностью это выхолащивает, и я с кем-то из юристов хотел бы уже посоветоваться, можно ли здесь замахиваться на какие-то судебные постановления вопроса.

Смотрите, какая возникает ситуация. Вот в Петербурге прошли муниципальные выборы: 90 с лишним процентов муниципальных депутатов – представители «Единой России».

ИЗ ЗАЛА

Воля народа.

М.И. АМОСОВ

Воля народа. А откуда мы получим хотя бы второго кандидата в губернаторы? Откуда мы получим хотя бы минимальную альтернативу? Это будут люди, которые просто подобраны «Единой Россией» в спарринг-партнеры; они ничего не значат. То есть это полная бессмыслица. На мой взгляд, это противоречит фундаментальным принципам Конституции. Можно ли это доказать в Конституционном Суде вообще, я не знаю. Можно ли это доказать в нынешнем Конституционном Суде? Думаю, что нет. Но двигаться вот в этом направлении нужно через какие-то предвыборные действия и там, Сергей Алексеевич, во время выборов нужно воспитывать людей. Это главный момент, когда мы это можем делать.

ИЗ ЗАЛА

А четыре года между выборами?

М.И. АМОСОВ

Ну, тоже.

Друзья мои, извините, я что-то разошелся; это благодаря сидящему слева от меня Алексею Алексеевичу, которому я симпатизирую, и Ольге Леонидовне, которой я симпатизирую еще больше.

О.Л. ПОКРОВСКАЯ

30 секунд можно? Я не собираюсь выступать.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Реплика. Ольга Леонидовна Покровская.

О.Л. ПОКРОВСКАЯ

Сергею Алексеевичу лично. С удовольствием подписываюсь под каждым Вашим словом, особенно насчет граждан. Но только я хочу сказать (это мое глубокое убеждение), что дебилизация наших граждан заложена в правовой конструкции, на сегодняшний день имеющей место в нашей Конституции. Граждане сами по себе не появляются. Они появляются, как правильно сказал Михаил Иванович, в процессе исполнения законов, в процессе реализации права на судебную защиту, в процессе реализации права на информацию – как на ее получение, так и на распространение, то есть во всех тех процессах (я могу продлить этот список), которые на сегодняшний день, к сожалению, как вы знаете, очень и очень затруднены. Я не буду развивать эту мысль, потому что мы уходим от основной темы.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Да, уходим. Пожалуйста, Сергей Владимирович Трутнев.

С.В. ТРУТНЕВ

У меня, на самом деле, не очень долго. Я по чисто прикладному вопросу. Я всё, как вшивый о бане, о Законе об иностранных агентах и позиции Конституционного Суда.

На мой взгляд, толкование, которое дал Конституционный Суд этому закону, хуже, чем сам закон, потому что когда я читал закон, я его, по крайней мере, понимал. Политическая деятельность в интересах иностранного государства! Пожалуйста, политическую деятельность можно отнести к вопросам факта, что, собственно, и было в судебных процессах. Но Конституционный Суд сказал, что политическая деятельность – это такая деятельность, которая затрагивает публично-правовые интересы, права и свободы всех граждан в целом. Вот как это понимать? Я совершенно не понимаю. И практика идет в связи с этим такая, что ничего уже доказывать не надо. Нужно просто установить публично-правовую деятельность, что, собственно, и происходит. И становится совершенно неясно, где границы этой публично-правовой деятельности.

Ответы на эти вопросы надо как-то, на мой взгляд, находить, причем находить решительно и быстро, потому что если раньше мы раскрывали политическую деятельность через дисциплинарное производство, то следует ли термин, предложенный Конституционным Судом, также относить к дисциплинарному производству? То есть должен ли я как член квалификационной коллегии судей учитывать такое толкование, данное Конституционным Судом, при разборе дел судей, которые участвуют, например, в общественных советах? Нужен ответ, и если Тамара Георгиевна скажет, что да, нужно использовать толкование, данное Конституционным Судом, я в понедельник пойду с жалобой в квалифколлегию.

Когда Совет судей Российской Федерации говорит о необходимости развития взаимодействия с гражданским обществом, я как элемент этого гражданского общества как должен к этому относиться? Как к тому, что судейское общество предлагает мне участвовать в политической деятельности? Не является ли само по себе решение Совета судей в данном случае в контексте постановления Конституционного Суда политической деятельностью Совета судей Российской Федерации?

Я как член ОНК Пермского края выстраиваю взаимодействие с прокуратурой.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Это не общественная организация.

С.В. ТРУТНЕВ

Да, но в данном случае они не могут осуществлять политическую деятельность, и более нет никаких претензий. Как нам относиться к политической деятельности прокуратуры, которая вступает во взаимодействие с ОНК, например, и участвует в деятельности ОНК по обсуждению вопросов права и практик? В данном случае это повод к дисциплинарному производству в прокуратуре? Должны ли мы настаивать на пресечении данных практик, несмотря на то, что как члены гражданского общества мы понимаем, что это хорошо? И в ответах на эти вопросы надо искать ответ на тот вопрос, который был задан: что нам делать, потому что стратегию мы сейчас должны полностью пересматривать в абсолютно полной правовой системе, которую породил Закон об иностранных агентах?

В 2000-х годах гражданское общество долго спорило о том, возможно ли выстраивать взаимодействие с властью. В какой-то момент это было преодолено, и вроде бы все стали работать, говоря о том, что это взаимодействие успешно, позитивно и хорошо. На сегодняшний день всякое взаимодействие является как минимум политическим, что порождает вопрос к государственным органам, к чиновникам, которые ограничены в осуществлении политической деятельности. Могут ли они вступать с нами во взаимодействие? Кроме того, в данном случае в последующих законопроектах фон этого закона носит явно негативный характер.

И в рамках этого, конечно, надо обсуждать наши стратегии, потому что сейчас по факту их три. Первая стратегия в правозащитном сообществе – это прямое отрицание закона: мы не будем его исполнять, это фашистский закон, мы не будем регистрироваться, будем получать штрафы, и пусть нас закроют к чертовой матери.

Как юрист, воспитанный в системе уважения к закону, я не могу согласиться с этим. Уважение к праву и к закону – необходимо.

ИЗ ЗАЛА

А фашистские законы тоже выражали право?

С.В. ТРУТНЕВ

Я в данном случае готов обсуждать наше сегодняшнее право и наши сегодняшние законы, как-то уважая их и пытаясь выстраивать свою деятельность, пока это возможно. Я понимаю, что когда это будет невозможно, я перестану это делать. Уйду из юриспруденции, например.

А второй вариант стратегии, который сейчас появляется, это то, что мы терпим сложившуюся ситуацию, тихо ждем, когда придет час «Ч», и пытаемся сохранить ту позитивность, что у нас была. Мы не ставим вопроса в квалификалгии относительно взаимодействия с судейским сообществом, потому что это прекратит его на долгие годы. Ни один председатель суда не будет с тобой после этого разговаривать, и можно будет забыть о многих вещах.

ИЗ ЗАЛА

А вас и не выберут без его согласия.

С.В. ТРУТНЕВ

Я – до весны, и слава богу. Я уже даже не настаиваю. Спасибо, что досрочно не прекратили.

И третье, с чего, собственно, я и начал, – надо действовать в рамках установленного Конституционным Судом правотолкования этого закона и пытаться говорить о верховенстве права. И вот здесь возникает очень серьезный моральный вопрос, который я разрешить не могу и который я хотел бы вынести на обсуждение Правозащитного совета Санкт-Петербурга, потому что в Перми у нас такого нет. Вопрос: должны ли мы настаивать на верховенстве права и на том, чтобы все общественные организации, которые сейчас взаимодействуют с Минфином, но получают гранты от Совета Европы, были внесены в реестр иностранных агентов? Должны ли мы требовать включения в реестр иностранных агентов Ассоциации юристов России, потому что это общественная организация, которая получала (не знаю, получает ли на сегодняшний день) иностранное финансирование?

И последнее, что хотелось бы сказать, – об одном положительном результате этого постановления. Вы, наверное, хорошо понимаете, что Конституционный Суд фактически определил публичную функцию правозащитных организаций. Раньше это было только у ДОСААФ. А сейчас правоприменение, которое сложилось, фактически указывает на то, что правозащитные организации реализуют публичную функцию в интересах нашего государства, потому что это государственная функция. Вот за это спасибо ему, родному. После этого вопрос о том, что такое правозащитный сектор, можно закрыть, так как он вполне себе конкретно определен. Но это единственное положительное, что было в рамках этого постановления.

Спасибо большое.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Сергей Владимирович, большое спасибо.

ИЗ ЗАЛА

Я не понял, какая третья стратегия.

С.В. ТРУТНЕВ

Третья стратегия – активно барахтаться в рамках данного закона. Конкретно – я принимаю закон в том чтении, которое есть; я, правда, его не очень понимаю, это толкование Конституционного Суда, но когда теоретики мне его разъяснят, мне, глупому юристу-практику, я начну руководствоваться именно этим постановлением.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Закон плох, но он - закон.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Вы будете ставить вопрос о том, что в Минюсте тоже есть инагенты?

С.В. ТРУТНЕВ

Я буду ставить вопрос, чтобы туда были включены общественные организации, имеющие иностранное финансирование, к которым можно придраться и которые осуществляют политическую деятельность: ФНПР, Красный Крест, Ассоциация юристов России. Кроме того, я буду ставить вопрос, возможно ли взаимодействие с гражданским обществом со стороны государства – судей, прокуратуры, чиновников первой-второй категории: общественные советы и так далее.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Понятно. Спасибо большое.

Е.А. ЛУКЪЯНОВА

Я пыталась подать в Минюст заявление на создание НКО, которая априори иностранный агент. Вот априори! Цель – заниматься политической деятельностью, оказывать Российской Федерации помощь в реализации международных договоренностей, Устава ООН. Не регистрируют!

ДИСКУССИЯ

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

А новых иностранных агентов не регистрируют, старых полно. Итак, открываем дискуссию.

Юрий Иннокентьевич, вы что хотите спросить? Вопрос к Сергею Владимировичу? Очень быстро. Юрий Иннокентьевич Вдовин.

Ю.И. ВДОВИН

Для начала: в Финляндии вообще нет Конституционного Суда – и живут без него, бедные!..

Очень короткий вопрос: у нас принимаются незаконные законы или беззаконие облачается в форму законов?

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Неправовые законы.

Ю.И. ВДОВИН

Я это понимаю так, что беззаконие облачается в законную форму. И как можно с этим вообще соглашаться и говорить, что я в этом беззаконии буду барахтаться, пытаюсь что-то делать? Вот я экстремист!

Т.Г. МОРЩАКОВА

Это риторическая фигура. Ясно, что он не будет этого делать.

Ю.И. ВДОВИН

Нет, он как раз говорит, что будет, соглашается с этим законом. С расистскими законами Германии тогда надо было соглашаться.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Всё, Ваша позиция понятна. Это риторический вопрос, прошу прощения.

Алексей Алексеевич.

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Уважаемые коллеги, прежде всего я хотел бы поблагодарить Михаила Ивановича. Миша, я тебя благодарю, потому что, в отличие от Сергея Алексеевича, ты терпел столько времени, чтобы мне это высказать, а Сергей Алексеевич перебивает, что меня очень расстраивает. В благодарность я расскажу тебе историю с Верховным Судом. Это очень быстро.

Дело в том, что в Верховном Суде Соединенных Штатов Америки девять человек. Четыре человека – консервативных убеждений, потому что их выдвинули президенты-республиканцы. Четыре человека как бы либеральных, потому что их выдвинули президенты-демократы. Они навсегда там, в суде, поэтому какой президент попадет, такой и выдвинет. А девятый откуда взялся? Его фамилия – Майер, он то с этими, то с теми, и принимает решение уже не партийное, а в соответствии с конкретной политико-правовой ситуацией, которая сложилась на момент принятия решения в Соединенных Штатах Америки. И это очень грамотно.

Вы знаете, когда мы говорим о местном самоуправлении, о партийном строительстве и так далее, то ведь у нас ничего этого нет, у нас одна имитация. И я должен сказать, что единственная партия, которая мне нравится, хотя я никогда в жизни там не буду, это «Яблоко», потому что она занимается такими простыми вещами, которые предлагает проект Конституции. Потому что когда она придет к власти, то, может быть, придет не с пустыми руками, потому что у всех остальных оппозиционных партий даже не разобраться, какая у них программа. А здесь наша ленсоветовская школа много чего значит. Мы писали Устав Ленинграда еще в Ленсовете. Это так, две репризы.

Теперь о главном.

Уважаемые коллеги, все-таки о решениях Конституционного Суда. Мы считаем, что это суд, но это не суд. Ни в коем случае! Он входит в судебную систему. Существует конституционное судопроизводство, которое так и не создано; просто взят гражданский процесс и поставлен туда с такими всякими смешными вещами, как, скажем, состязательность. А ответ на вопрос, почему не суд, простой. Скажите, пожалуйста, суд кого судит?

Т.Г. МОРЦАКОВА

Да не судит, а решает правовой спор!

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Правильно, правовой спор. Но посмотрите, пожалуйста, что делается, скажем, в республиканских конституционных, уставных судах. Если уставный суд отменяет решение, то это журналистами рассматривается как виновность органа, который этот закон принял. Чуть ли не говорят о конституционной правовой ответственности за принятие неконституционных законов.

Т.Г. МОРЦАКОВА

За это есть конституционно-правовая ответственность. Если есть нормальная система выборов, то орган, который допускает подобные нарушения, больше не появится.

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Совершенно верно. Но я-то считаю, что Конституционный Суд и конституционные уставные суды должны не судить органы государственной власти (или, как Бондарь говорит, что «это суд над властью»), нет! Он должен корректировать законодательство к тому развитию конституционализма, которое он сам определяет. Это есть наша Конституция,

потому что Конституцией этому органу приданы такие полномочия, что он определяет наше конституционное развитие.

Я согласен с тем, что процедура выборов и так далее... Я достаточно профессионально могу говорить об очень неловких решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Правда, как судья в отставке я не имею на это права, но я бы мог вам об этом сказать. Это надо все-таки понимать, потому что это очень важно.

Вот, между прочим, во Франции – не суд, и ничего!

Т.Г. МОРЩАКОВА

И плохо. Ввели туда жалобу, а раньше не было. И контроль был только превентивный, а теперь – пожалуйста!

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

И еще одно. Может быть, я неудачно сказал, на что опираются судьи Конституционного Суда, в чем находится баланс принципов. На самом деле надо смотреть глубже – это баланс ценностей. Вот на этом моменте я бы остановился чуть-чуть подробнее.

Должен вам сказать, что понятие ценностей – самое главное понятие, которое существует. Сегодня я рассказывал о Ветхом Завете и десяти заповедях; скажите, пожалуйста (это риторический вопрос), на какую ценность вообще опираются десять заповедей? Их две. Бог – это высшая ценность, первые три заповеди, и вторая – социальные ценности, направленные на сохранение жизни человека. Верно? Чти отца своего и мать свою. Для чего? Крепкая семья, а значит, будет хорошее потомство; это выживание человека. Ценность – жизнь человека.

Развитие конституционализма идет немного по другому пути. Появляется еще одна замечательная конституционная ценность – так называемое достоинство человека. Это на самом деле, я считаю, высшая ценность человека. Она по-разному формулируется. Вторая статья Конституции: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Понимаете, это то же самое, что достоинство, только в другой формулировке. И вот баланс ценностей – это самая главная вещь.

Почему это так опасно? Посмотрите, пожалуйста, что такое революция 17-го года. Это переход от одной системы ценностей к другой. Обратите внимание, что сама система ценностей – это очень консервативная вещь: население очень сложно переходит к другой системе ценностей.

Вторая революция произошла в 1993 году. Мы резко перешли к другой системе ценностей. Это были ценности социалистические, коммунистические, как угодно. Кстати, уже выработанная за 70 лет ценность единовластия.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Да это не ценность была. Для кого она была ценностью? Для власти.

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Она была воспитана. Простите меня, пожалуйста, она воспитана еще ценностью, которая была в царской России. Царь-батюшка! Вы думаете, что ценности так легко уходят? Нет, они прошли так же, как религиозные ценности, через 70 лет советской власти, и сейчас вылезли снова. Верно?

Т.Г. МОРЩАКОВА

Тогда людоедские ценности тоже надо признавать, если они исторически сложились. Мы живем в современном цивилизованном обществе.

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Секундочку. Я очень благодарен вам за то, что вы сказали: фашистские законы – это не право. Это я студентам говорю. Драконовские законы и так далее. На самом деле, между прочим, позитивизм, который говорит, что право и закон – одно и то же, сейчас очень распространен даже у известных ученых.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Это неправильная трактовка Кельзена, у него есть тезис о проверке содержания законов.

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Что я хочу еще сказать? Сегодня затрагивался вопрос о ЕСПЧ. Вы же знаете, тут тоже вопрос упирается в ценности. Мы же не против исполнения решений. Это опять та ошибка, которую делают очень многие: исполняем решения ЕСПЧ, платим и так далее. Очень не хочется платить, но иногда платим. Но разговор идет о правовых позициях ЕСПЧ. Это так называемые европейские позиции. Прошу прощения, позвольте мне сказать, что эти европейские ценности с огромным трудом натягиваются на нашу систему ценностей.

В последнее время я занимаюсь проблемами мусульманского права, Северного Кавказа и так далее. Я знаю, что это наша страна, это наши люди, это граждане Российской Федерации, но они живут в совершенно иной системе ценностей, нежели европейцы.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Коллеги, у нас будут еще круглые столы. Вот тогда прямо поговорим о ценностях.

А.А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Причем эти ценности – не вполне религиозные, они традиционные: как устроен там быт, как воспитывать дочку и так далее. И когда они сталкиваются с теми же гендерными вопросами... Я изучал и выходил даже на европейский уровень с делом Маркина, вы это хорошо знаете. Это жесткая ситуация, хотя там простая история, ничего сложного нет. Но когда я рассказывал в Махачкале о деле Маркина, мне сказали, что им это все неинтересно. Почему? Потому что ни одна женщина, ни одна горянка не бросит своего ребенка и ни один горец не попросит отпуск по уходу за ребенком.

Спасибо.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо, Алексей Алексеевич.

Одну секунду, Игорь Залманович. Реплика Ольги Николаевны, а потом Ваше выступление.

О.Н. КРЯЖКОВА

Буквально два слова по поводу Конституционного Суда: это суд или что-то иное? Во Франции – действительно Конституционный совет. Тамара Георгиевна говорила, что появилась туда жалоба, и на уровне риторики его никто, иначе как суд, уже не называет. Его так и называют – Конституционный Суд, несмотря на то, что он – Конституционный совет.

Второй вопрос по поводу ценностей суда как такового. Напротив, очень удачная и хорошая форма для публичной политики. Ведь Конституционный Суд – политический орган, но он действует в пространстве публичной политики. И лучшей формы, кроме состязательного процесса, для этой самой публичной политики, для балансирования ценностей просто-напросто нет. Спасибо.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо, Ольга Николаевна. Пожалуйста, Игорь Залманович Карлинский.

И.З. КАРЛИНСКИЙ

Уважаемые дамы и господа!

Когда я слушал, то соотносил это с тем, что сейчас происходит, мягко скажем, за окном, на одной восьмой части нашей планеты. Я вспомнил анекдот, который рассказывал в кулуарах. Повторю. Дедушке стало плохо, бабушка вызывает скорую помощь. Скорая помощь, как это часто, к сожалению, бывает, не успела. Приезжает скорая помощь, дедушка уже, мягко скажем, не совсем живой. Доктор заходит, смотрит зрачок, проверяет пульс и понимает, что не успел, но как-то надо обозначить свое участие. «Бабаня, – говорит он, – а покойник перед смертью потел? – Потел. – Ну, это хорошо». Вот это мне напоминает процесс потения. Только я не могу понять, чем закончится это потение. Пока еще не могу понять.

О чем я хотел сказать по существу вопроса?

Первое. Я очень благодарен предыдущему докладчику за то, что он заговорил о ценностях. Это очень важная тема, и, мне кажется, она требует обсуждения, потому что, к сожалению, это вопрос, который остается где-то там, под столами, на кухнях, не выносится; нет того обсуждения, которое необходимо, в том числе для совершенствования нашего права. И здесь я бы упомянул известное выражение уважаемого Аузана о надконституционных ценностях, потому что когда я впервые от него, не помню, услышал об этом или прочитал, то сразу вспомнил об одной простой вещи, которая у нас, между прочим, часто упоминается в законах: интересы государства и интересы общества как два абсолютно разных пакета интересов. Поэтому первое, что я хочу сказать, думая о будущем, как нас призывал коллега Нестеров, – все-таки общество должно начинать с обсуждения таких вещей.

Второй вопрос – об использовании Конституционным Судом таких вещей, как правовые принципы. Дело в том, что уже неоднократно упоминавшийся здесь Закон об иностранных агентах на самом деле интересен еще чем? Тем, что он вменял в изначальной форме и сейчас продолжает вменять организациям обязанность самим заявлять о себе в реестр. У меня простой вопрос: каким образом организация может понять, что она занимается политической деятельностью? То есть закон как бы презюмирует, что организация обладает достаточным экспертным потенциалом. Мы видим, как бьются над этим вопросом Минюст и прокуратура в каждом деле, и Закон презюмирует, что организация должна обладать достаточным экспертным потенциалом, чтобы осознать, что она занимается политической деятельностью, и заявить себя в реестр. Ну, извините, НКО в этом вопросе – как господин Журден, который не знал, что он говорит прозой.

Кроме того, со времен римского права, извините, существует простой правовой принцип: никого не обязываем к невозможному. Вот где здесь та граница, когда мы можем четко сказать: да, они все могут это определить? Конституционный Суд, рассматривая вопрос, об этом полностью не говорит. Может быть, я что-то просмотрел, но я редко встречал, извините, в практике Конституционного Суда такие рассуждения об общеправовых принципах.

Еще я хотел сказать о том, как Конституционный Суд проверяет всевозможные нормативные акты, которые так или иначе сужают права человека, тех или иных групп.

В Конституции у нас очень четко прописано, в каких случаях закон может ограничивать права, свободы граждан. Абсолютно четкая позиция. Когда я вижу такой законопроект или закон, если опоздал посмотреть его на стадии законопроекта, то тут же лезу на сайт Госдумы, ищу пояснительную записку. Почему? Потому что именно в пояснительной записке должно быть раскрыто всё то, зачем, почему и в защиту чего.

И еще вопрос соотносимости защищаемого мерам защиты. Извините, в практике Конституционного Суда я не заметил ни одного случая, когда Конституционный Суд, разбирая обоснованность того или иного ограничения прав, залез бы в пояснительную записку и посмотрел бы, как Государственная дума, Совет Федерации и президент, принимая закон, обосновывали необходимость его принятия.

И наконец, последний момент. То, что касается непосредственно темы нашего заседания, – значение правовых позиций Конституционного Суда для защиты прав человека. Я 20 с лишним лет занимаюсь помощью бездомным, поэтому следующий тезис проиллюстрирую на совершенно конкретной ситуации, на совершенно конкретной практике.

Конституционный Суд неоднократно говорил (у меня даже пальцев на руках и ногах не хватит, чтобы сосчитать, сколько раз), что наличие регистрации или отсутствие таковой не должны, не могут и тому подобное (все вы знаете норму части 2 статьи 3 Закона «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания, жительства в пределах Российской Федерации»). И Конституционный Суд утверждает, что противное противоречит статье 19 Конституции. Неоднократно! Вопрос, который в связи с этим возникает: и что дальше?

У нас на территории Российской Федерации издавались, издаются и, я думаю, будут издаваться законы и другие нормативные акты, противоречащие этой позиции. Я лично составлял большие обзоры, направлял их в прокуратуры и так далее, где прокуратура просто пакетом (по Питеру сейчас уже больше 50 нормативных актов) признает несоответствие этих правовых актов Конституции и Федеральному закону. И что?

Вопрос на самом деле очень простой. У прокуратуры есть право обратиться в суд, но она не обязана этого делать. И в той ситуации, когда прокуратура уже соглашается, она мне пишет в ответ, что да, эта норма не соответствует. И что? А ничего.

Юрий Михайлович совершенно правильно поставил этот вопрос. Когда мы думаем о том, что сделаем в час «Ч» или «Х+1», чтобы правовые позиции Конституционного Суда имели-таки значение в защите прав и свобод граждан, мы должны разрабатывать механизм, который позволил бы эти правовые позиции переводить в плоскость повседневных решений органов государственной власти – как нормотворческих, то бишь законодательных (представительных) и исполнительных органов власти, так и контрольных.

И вот это, с моей точки зрения, один из тех шагов, которые надо продумывать сейчас. Спасибо за внимание.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Игорь Залманович, я потрясена Вашей краткостью. Спасибо большое.

Пожалуйста, реплика Сергея Алексеевича, а дальше у нас Николай Владимирович Васильев.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

Вы знаете, даже не реплика, а просто вариант, как можно решать проблему не методом вот такой битвы, а выходом в другую плоскость.

Дания. У них каждый человек, который законно находится на территории, получает общий идентификационный номер, это обязательно. Более того, даже детям тех, кто претендует на миграцию, уже выдают идентификационный номер для того, чтобы они получали доступ к образованию. Весь доступ к благам, ко всему – на основании единого

идентификационного номера. Больше ничего. Один раз родился, получил – всё, у тебя есть идентификационный номер, который работает по всей стране.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

К сожалению, наша Православная церковь категорически против этого. А так как она у нас практически является неким органом государственной власти, то это все застопорилось на уровне предложения.

Пожалуйста, Николай Владимирович Васильев.

Н.В. ВАСИЛЬЕВ

Спасибо за возможность повторно обратиться к аудитории.

У меня, скорее, вопрос, а не какое-нибудь сообщение. Сегодня несколько раз упоминали предстоящий закон. Никто не сомневается, что будет принят закон о том, что Конституционный Суд сможет контролировать решения Европейского Суда по правам человека.

Е.А. ЛУКЪЯНОВА

Он уже принят!

Т.Г. МОРЩАКОВА

И во втором чтении, и замечания рассмотрены, и в третьем сразу.

Е.А. ЛУКЪЯНОВА

Принят!

Н.В. ВАСИЛЬЕВ

Тем более. Я говорю, что никто не сомневался в этом вопросе. Но возникает вопрос, который, может быть, не появился бы с позиций либерализма. Но он действительно показывает мое незнание, просто незнание. Скажем так, сам факт существования Конституционного Суда предполагает, что законодатель и исполнительная власть, действующие в системе сдержек и противовесов, могут ошибаться и принимать законы, не соответствующие определенным ценностям, определенным правам, свободам граждан. Почему же мы исключаем, что те же самые органы власти (исполнительная, законодательная), заключая международные договоры и ратифицируя их, могут ошибиться в том или ином случае?

Первый раз у нас было дело, которое касалось запрета проведения митинга у Китайского посольства. Там были сторонники такой организации, как Фалуньгун, Фалунь Дафа. Им запретили митинг возле китайского посольства в Москве, ссылаясь на статью 8 договора между Россией и Китаем. Истолковывал свое решение Комитет Москвы своеобразно: что одна сторона не должна допускать на своей территории действий и решений, которые бы умаляли другую. Когда заявители пошли в суд, пытаясь обжаловать каким-то образом этот отказ, тот сказал: это же международный договор, мы не вправе толковать его, и в этой связи прекратили дело. В этой ситуации гражданам фактически оказалось некуда идти.

Второй случай возник с Таможенным кодексом: раньше он был законом, по своей сути, Российской Федерации. Более того, несколько раз он подлежал рассмотрению в Конституционном Суде, и пару раз Конституционный Суд признавал не соответствующими Конституции ряд вопросов в Таможенном кодексе. На сегодняшний день Таможенный

кодекс заключен в форме соглашения между тремя странами, это фактически международный договор. У нас как раз был заявитель, утверждавший (и у него были на то достаточные основания), что нормы Таможенного кодекса незаконно ограничивают его право собственности, и если вызывает сомнение та или иная норма Таможенного кодекса, то куда обращаться?

Третий вопрос, касающийся договора о правовой помощи между Российской Федерацией и Азербайджаном, – о количестве времени, проводимого под стражей лица, подлежащего выдаче. Конституционный Суд рассматривал аналогичную главу в Уголовно-процессуальном кодексе и давал ее конституционно-правовое толкование. Эта глава применяется в тех случаях, когда такого договора нет. Когда договор есть, применяется непосредственно договор. И в данном случае опять-таки ответа не было.

Вы знаете ситуацию с Олегом Синцовым, который отрицает факт наличия у него гражданства Российской Федерации и утверждает, что норма, применяемая по отношению к нему как к гражданину Российской Федерации, неконституционна. Извините, это норма договора, я не помню, статья 3, 4 или 5, касающаяся присоединения Крыма, вхождения Республики в состав Российской Федерации.

И последняя ситуация. Мне очень жаль, что я не смог этот вопрос задать в начале дискуссии, потому что ответ, наверное, получить не успею. Ведь у Конституционного Суда есть полномочия проверять международные договоры на соответствие Конституции Российской Федерации до момента их ратификации. И по последнему случаю он принял такое решение, договор уже проверен. Вопрос, который поставил Синцов, не ставился на рассмотрение в том заседании, там был совершенно другой комплекс вопросов. В этом случае я не знаю, куда гражданину надо обращаться. Есть акт нормативно-правового регулирования. По мнению гражданина, он нарушает права и свободы. Куда обращаться? Спасибо.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо, Николай Владимирович. Реплика от Бориса Лазаревича Вишневого.

Б.Л. ВИШНЕВСКИЙ

Первое – насчет того, что можно ошибиться в международном договоре. Наверное, можно. Ну так идите и денонсируйте этот договор, выйдите из него! В противном случае механизм, который сейчас предлагается, мне знаете что напоминает? Учишься в школе, а потом просишь маму разрешения не делать уроков. Вот если хочешь не делать, уходи из школы.

Что касается дела Олега Синцова. Может быть, все не в курсе, там ситуация очень простая. Присоединив Крым (я не буду давать этому юридических оценок, хотя они однозначны), Российская Федерация заявила, что всякий, кто отдельно не откажется от российского гражданства, будет считаться российским гражданином. Гражданам фактически это было навязано. Кто не спрятался – я не виноват. Это абсолютно противоправная норма. Естественно, Олег Синцов не считает себя российским гражданином, но это было использовано для того, чтобы его судить по российским законам и абсолютно незаконно.

Дальше рассказывать не буду. Только еще одна справка к тому, что говорил Михаил Иванович Амосов. Нынешний механизм избрания губернаторов через муниципальный фильтр, к сожалению, уже рассматривался в Конституционном Суде, и Конституционный Суд (вы очень удивитесь) признал муниципальный фильтр абсолютно конституционным.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

С чем мы друг друга и поздравляем.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Когда человека пришлось бы пополам делить ради этого фильтра, тогда неконституционным.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Рима Садитовна Шарифуллина.

Р.С. ШАРИФУЛЛИНА

Коллеги, слава богу, я последняя из дискутирующих.

На мой взгляд, плохая новость, что дискуссия не получилась. Хорошая новость – она не получилась потому, что Правозащитный совет собрал людей, придерживающихся одних ценностей. Все мы, в общем-то, говорили как люди, придерживающиеся фундаментальных ценностей, просто с разных сторон. Если мы вернемся к названию круглого стола «Значение правовых позиций для защиты прав человека», то практически все сказали, по-разному, очень умно, очень интересно, с разными аргументами, что, наверное, правовая позиция Конституционного Суда либо сегодня не имеет уже значения для защиты прав человека, либо имеет значение негативное. Вот как я, собственно говоря, всех поняла. Поэтому коротко скажу только то, чего, на мой взгляд, не было сказано в поддержку Правозащитного совета, который собрал столь представительное сообщество.

Мне тоже кажется, что разговор был очень глубоким, поскольку мы все-таки коснулись ценностей. И это очень важно. Если мы вспомним, что такое и для чего нужны права человека, то, как я это понимаю, защита прав человека – это инструмент. Инструмент чего? Инструмент равенства. Ценность – равенство. Почему? Потому что, как я иногда говорю, у нас богатым людям с деньгами, со связями не нужны суды, им не нужен Конституционный Суд. Нет денег, нет связей – нет прав.

Мы-то защищаем права простых людей, тех, у кого нет ни денег, ни связей, ни ресурсов. Вот им нужны права человека. Чем меньше прав, тем больше неравенство. Чем больше прав у человека, чем больше они защищаются, тем меньше неравенство, тем больше равенство. Ценность – равенство. На мой взгляд, равенство – это западная основополагающая ценность. А неравенство – это больше азиатские ценности. Это моя гипотеза. Что из нее вытекает?

На мой взгляд, здесь очень правильно говорилось о том, что конституция может быть одна, а толкование ее может быть разным. Одна и та же конституция могла оправдывать рабство – и точно так же через 200 лет она оправдала однополые браки.

На мой взгляд, сейчас как раз идет такой фундаментальный поворот в сторону азиатских ценностей. И этот поворот, я согласна, действительно исторически обоснован. Запрос на сильную руку, на патриархальность в нашем обществе жил, жив и будет жить. Когда в 90-е годы наша организация подавала в Конституционный Суд запрос о признании неконституционной статьи КЗоТа о принудительном труде, мы получили хорошее решение, которое фактически признало неконституционным принудительный труд. Для нас это было очень важно. Но сейчас Конституционный Суд признает Закон об иностранных агентах конституционным. Что это означает? Что, собственно говоря, западные ценности и носители этих ценностей – агенты, враги?

Таким образом, конечно, Конституционный Суд – это часть политической системы. Для меня это совершенно понятно.

А вот скажите, пожалуйста, в Китае есть Конституционный Суд? Или вообще в азиатских странах? А сейчас мы именно в ту сторону смотрим.

Я боюсь, что никогда у нас не внедрится система западных ценностей. Мы всегда будем одной ногой в азиатской культуре, в которой права человека абсолютно подчинены интересам государства. Поэтому даже если бы Конституционный Суд у нас был идеальным и заставил суды выполнять свои решения, великолепные принимал бы решения,

законодатель просто изменил бы Конституцию. Без политической системы, западной политической системы, конкурентной политической системы все это бесполезно.

К сожалению, у меня пессимистичные выводы. Мне кажется, что последние 10-15 лет явились скорее редким периодом Российской истории, которые иногда бывали в России, но быстро заканчивались, и все снова шло по-старому. По старому азиатскому проторенному пути, построенному на неравенстве и насилии.

И по поводу воспитания и просвещения. На мой взгляд, это старая модель, и она тоже патриархальная. Она предполагает, что есть старшие братья, которые идут в народ и просвещают простых людей. На мой взгляд, это сейчас работать не будет. Это моя гипотеза. Сейчас, если мы все-таки носители западных ценностей и в правовом смысле тоже, то только на равных, и это только сопровождение людей в действиях, когда они реально борются за свои права. А воспитывать взрослых людей – это смешно, я прошу прощения, не получается.

ИЗ ЗАЛА

Не получается или смешно? Это разные вещи.

Р.С. ШАРИФУЛЛИНА

Вот я взрослый человек, ко мне придет старший брат из Конституционного Суда, или просветитель, и меня будут просвещать... */Шум в зале/*

Раз такая дискуссионная площадка, которую организовал Правозащитный совет, где на равных встретились люди из НКО, академического сообщества, политики, на мой взгляд, такие площадки нужно развивать и включать сюда как можно больше людей, может быть, с другими ценностями. Я не говорю о крайних проявлениях.

Приведу вам пример. Профсоюз дальнобойщиков. Вы что думаете, у них там такие демократические ценности? Но есть моменты, когда они понимают, что на сегодняшний день принудительный труд – это не наш путь. Азиатская модель производства, где люди рабы на производстве, это не наш путь, и профсоюзы, например, это понимают. Вот здесь, на этих стыках давайте работать.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо, Рима Садитовна. И одна реплика – Виктор Леонидович Шейнис, пожалуйста.

В.Л. ШЕЙНИС

Одно замечание по поводу последнего выступления.

Первое. Я согласен с тем, что Конституционный Суд – часть политической системы. Но дело в том, что политика и право отделены Китайской стеной только в теории. На самом деле одно переходит в другое, одно связано с другим, и даже самый идеальный Конституционный Суд в нашей грешной земной жизни, наверное, не будет абстрагирован от политики. Это первое.

Второе. Я не могу согласиться с тем, что вообще обращение к правам человека – это утверждение принципа равенства. Я думаю, что великие французские революционеры были достаточно наивными или сознательно наивными, когда на своем знамени они написали «свобода и равенство». Свобода и равенство – это не просто равнозначные ценности, а ценности, в значительной мере ограничивающие друг друга. И поэтому, на мой взгляд, в той же мере права человека – это утверждение свободы, как и утверждение равенства, даже, наверное, в большей степени. И я думаю, что обращение к богатым, что им, дескать, не нужно... вспомните судьбу богатого Ходорковского. Конечно, отдельный пример не является доказательством. Но тем не менее думаю, что свобода – ничуть не менее важный момент в правозащите.

И третье. Я думаю, что утверждение «у нас всегда будет так» у меня вызывает в памяти известное изречение: никогда не говорите никогда. Как у нас будет – в значительной мере это вопрос веры. У меня был замечательный студент, сейчас – профессор одного из американских университетов, который мне говорил: Виктор Леонидович, вот история России, вот Николай I, а потом Александр II, потом Александр III, затем конституционные реформы Николая II, а потом мы имеем большевистский откат, и в большевистском периоде тоже разные периоды. Развитие идет по синусоиде... Для него главное – откаты от реформ, а для меня главными были все-таки реформаторские периоды. И не случайно, наверное, что он – профессор в Америке, а я – профессор в России.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

Во-первых, «у нас всегда так было» – это неправда. У нас были почти 500 лет самоуправления Новгорода и Пскова, и всё получалось. Трагедия наша в том, что у нас самоуправляемый север проиграл гражданскую войну ордынской Москве. Ну и что? Тогда проиграли – может быть, потом выиграем.

И вторая реплика. Я, конечно, далек от такого наивного представления, что можно просто людям рассказывать и этого им будет достаточно. Конечно, все проходит через опыт. Поэтому главное утверждение заключается в том, что если мы не будем развивать местное самоуправление как ключевой институт общества, как, вообще говоря, фундамент всего остального, где люди *научаются* совместному действию, своей активности и вообще оттуда начинаются лидеры, то все остальное здание будет постоянно стоять на песке и валиться на тот или другой бок.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо, Сергей Алексеевич.

Что я хочу сказать перед эпохальным выступлением Тамары Георгиевны?

Коллеги, мы сейчас поговорили; хотелось бы, чтобы что-то осталось в сухом остатке. У меня большая просьба. Во-первых, мы ваши речи все записали, вам никуда от нас не деться. Мы их будем расшифровывать и, как сказал Юрий Михайлович, постараемся сделать сборник.

Второе. Коллеги, что я хотела бы от вас получить? Будет следующий этап нашего круглого стола. Будем считать, что это первый этап. Что бы мы хотели обсудить? В каком формате? Кого бы вы хотели пригласить?

И последнее. После выступления Тамары Георгиевны мы будем писать резолюцию по факту первого этапа нашего круглого стола. Если вы в эту резолюцию внесете свои предложения, мы вам будем очень признательны.

Михаил Иванович Амосов, реплика.

М.И. АМОСОВ

Друзья мои, в связи с вечным спором в России между пессимистами и оптимистами я хочу, чтобы вы обратили внимание на гендерный состав нашего президиума. Он своеобразный – этот гендерный состав, кто руководит процессом.

Я сказал об этом не просто так. Дело в том, что сегодня происходит эпохальное событие – в Саудовской Аравии проходят местные выборы, где впервые к выборам в качестве выборщиков и кандидатов допущены женщины. Таким образом, это последняя страна в мире, где женщинам предоставлено избирательное право наряду с мужчинами. Вот почему я хочу об этом сказать. Если бы мы с вами беседовали сто лет назад, то таких стран было бы раз-два и обчелся. Новая Зеландия и Финляндия, по-моему, были в таком положении, как сейчас у нас. Этот пример указывает на небезнадежность того дела, которое мы сегодня обсуждаем, и на неизбежность общественно-политического прогресса в нашей стране.

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Спасибо, Михаил Иванович. Я бы хотела, чтобы вы обратили внимание на состав нашего круглого стола.

Итак, Тамара Георгиевна, Вам слово.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Спасибо, коллеги. Я понимаю, что все устали, и мне даже не хочется приводить систему каких-то рассуждений. Просто очень хочется прореагировать на то, что здесь было всеми сказано, потому что все это, безусловно, достойно того, чтобы быть отмеченным. Я не говорю – обязательно какой-нибудь похвалой, но отмечено как тема, что гораздо более важно в общественном дискурсе.

Я думала, с чего начать: идти с частных к общему или от общего к частностям, хотя в целом-то это будет некая система непричесанных мыслей, потому что, повторяю, это не претендует на стройную систему рекомендаций или каких-то других выводов. И все-таки я подумала, что не могу не начать, не знаю, как вы к этому отнесетесь, со своего персонального «браво!» Сергею Алексеевичу, который первым здесь сказал о том, что Конституцию нашу надо хранить. Меня очень пугают другие высказывания. И, мне кажется, это первый вывод, который нужно сделать: не ратовать сейчас за рассмотрение (пусть меня Виктор Леонидович простит, я ему говорила это много раз) трех разных, а может быть, четырех или пяти проектов Конституции.

Объективным основанием такого вывода я могу вам предложить следующее. То, что всех пишущих не устраивают новые проекты, и при этом есть прекрасные учебные, прекрасные научные проекты, – всё это не снимается с научной повестки дня и с учебной тоже, но мы говорим о проекте как документе, который может быть предложен для обсуждения. Действительно, никто ничего хорошего сейчас нам не предложит. Это пункт первый. Мы должны это запомнить хотя бы потому, что здесь собрались те, кто работает в области правозащиты.

Второй в этом же ключе тезис состоит в том, что все изменения, все критики проекта действующей Конституции сосредоточены отнюдь не на главах первой и второй. Отнюдь! Зачем мы предлагаем идею конституционного собрания, которое нужно только для принятия новой конституции? Из кого будет сейчас состоять конституционное собрание?

Некоторое время тому назад, еще в бытность Владимира Петровича Лукина на посту Уполномоченного по правам человека, мы обсуждали у него эту проблему. Вдруг возникла проблема: государство не выполнило свои обязательства по Конституции, не созвало конституционного собрания и даже закона о нем не внесло. Куда это нас сейчас должно увести? И на что это нас сейчас (я страстно говорю, Виктор Леонидович, рассчитывая на Ваши уши) должно толкать? Это реальные наши задачи. Это нам сейчас нужно – конституционное собрание – или нет? Простите меня.

В.Л. ШЕЙНИС

Тамара Георгиевна, я постоянно утверждаю, что очень хорошо, что не принят закон о конституционном собрании.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Спасибо. Но я эту идею от Вас слышу не в первый раз. Идея многих проектов Конституции как-то не очень согласуется с Вашим положительным отношением к отсутствию этого замечательного органа. Мы не знаем даже, как он будет создан, на какой основе будет формироваться. Я считаю, что это самая главная идея. Самая главная!

Теперь такой вопрос. Да, у нас существует определенная политическая система, которая зафиксирована в Конституции. Безусловно, с точки зрения конституционализма, как он существует в тексте (и я бы даже сказала, как он существует в жизни), Конституционный

Суд – часть политической системы. Но только в этом, узком смысле. Почему? Потому что я никогда не соглашусь с тем, что Конституционный Суд – орган единой государственной власти. Если мы выдвигаем этот тезис, то мы возвращаемся к советам, к Съезду народных депутатов, который может принять к своему рассмотрению любой вопрос, в том числе и вопрос, кому принадлежит собственность газеты «Известия». Или мы принимаем принципиальные основы конституционализма в современном мире, а это разделение властей, или мы этого не принимаем.

Наконец, тезис третий: суд или не суд Конституционный Суд. Несмотря на все значение его решений, несмотря на все отличия его решений от решений других судов, это суд. И я вам скажу, по каким признакам определяется суд. Если мы берем не столько практику, сколько теорию и толкование, которое осуществляется наднациональными органами контроля, аналогичного контролю в ходе конституционного правосудия, выделяются несколько черт эффективности средств правовой защиты.

Первое – это независимый орган. Мы сейчас говорим не о данности, а о должном. О должном, а не о сущем. Первая черта, чтобы средство правовой защиты признавалось эффективным, – независимость этого органа.

Второй момент, который определяет именно такую характеристику такого органа, – судебные или квазисудебные процедуры. Вы говорите, что нельзя провозглашать состязательность в Конституционном Суде. Как это нельзя? Она иначе реализуется. Одна сторона всегда представлена органом власти, который что-то сделал; другая может быть представлена разными субъектами. Суд не должен занимать положение ни той ни другой, потому что основа состязательности – отделение его функций. Он не может выйти за пределы жалобы, и, кстати, в этом русле никогда не соглашусь с предложением об инициативе суда. Первый закон «О Конституционном Суде» потерпел провал, он не был лучшим. Он потерпел провал, потому что Конституционный Суд мог возбуждать дела по собственной инициативе, что он и сделал по отношению к Указу Президента № 1400, нарушив все процедуры (прав Виктор Леонидович) при рассмотрении этого дела. Но я должна, кстати, утешить и всех остальных наших сегодняшних дискуссантов: решение никогда не появилось на свет как правовое решение. И это – следствие определенных требований к судебным решениям. Да, протокол есть, он даже опубликован, хотя совещание было тайным. И там все свои позиции судьи заявили. Протокол этого совещания есть, голосование есть. Вопросы на голосование были поставлены неверно: два вопроса были поставлены вместе, и судья, который голосовал за один вопрос положительно, а за другой отрицательно, попадал непонятно куда.

И, наконец, третий момент. Кроме процедур и голосования и кроме того, что не было документов, – решение никогда не было оформлено. Вы видели у судов решения, которые не мотивированы? Таких не бывает. И никогда это решение не было опубликовано, никогда и нигде, кроме как в хрониках 1993 года и в каких-либо средствах массовой информации это решение опубликовано не было.

Суд, действуя по собственной инициативе, становится (вы меня сейчас будете критиковать за это) активным игроком на политической сцене. И когда он является активным игроком на политической сцене, у него заранее есть позиция, потому что он определяет момент, когда вступает в эту игру. Вот этого никогда не должно быть. И поэтому тезис о том, что он, конечно, орган государственной власти, – да, это верно, но это орган судебной власти, которая по цели своей противопоставлена всем другим. Именно противопоставлена, потому что другие, чтобы не нарушать права и свободы, должны быть подвергнуты судебному контролю. И это такая парадигма, вне которой не развивается правовое государство и, если хотите, не может развиваться и демократия, нуждающаяся, в том числе, и в судебной защите. Это, по-моему, тезис чрезвычайно важный.

Теперь нельзя не остановиться на том, что прозвучало в конце. Да, у нас теперь модно говорить «менталитет». Как угодно можете это называть. Другие ценности – восточные ценности. Почему мы должны воспринять восточные, а не европейские? Я вам приведу цитату из действующего судьи Конституционного Суда Константина Арановского. Он это написал (это опубликовано): «Оставьте нас с нашими ценностями. Многие чувствуют себя уютно в своем болоте». И еще такая у него есть фраза: «Ориентировка на какие-то там

европейские ценности – она разрушает веру народа в свое светлое будущее». У него свое должно быть светлое будущее. И тогда здесь хочется сказать, что демократия – это всегда защита меньшинства, а не того, что хочет большинство, и без этого демократии не бывает.

Я думаю, что каждый из нас не захотел бы, относясь к меньшинству, даже будучи носителем европейских ценностей, быть распятым. Я думаю, это бы никому бы не понравилось. А господин исследователь первой американской демократии де Токвиль написал в своей замечательной книжке о демократии в Америке о том, что тираны тоже любят свободу, только они считают, что ее, свободы этой, достойны они одни. И поэтому их любовь к свободе прямо пропорциональна нелюбви к собственному народу.

Давайте все-таки любить собственный народ, не навязывать ему ни болото, ни восточные ценности со всякими страстями, а будем исходить из того, что здесь прозвучало и что мне кажется самым главным, – достоинство человека как основа всех прав. Это вполне связано с признанием свободы, равенства, со всеми этими вещами, просто другая формулировка. Достоинство человека, присущее ему по сути его рождения, – и на этом построен весь комплекс прав и свобод, которые мы защищаем. Кто-нибудь хочет отказаться от своего достоинства? Нет. Кому-то уютнее в болоте? Давайте поговорим об этом.

Российская Конституция, ее главное достоинство – я повторяю это много раз, и мне очень хочется, чтобы все это усвоили, – главное достоинство Российской Конституции в том, что она в статье 17, в части первой этой статьи, обещала российскому народу никогда не дискриминировать его в сравнении с другими народами в сфере прав и свобод. Вот в сфере прав и свобод россиян больше не дискриминируем, мы им даем права по международному стандарту. И права бабушка, которая в ЕСПЧ выигрывает свое право сушить белье на чердаке, где ей это запрещают. Это что, круг какой-то интеллигенции? Нет, это простой человек идет и защищает там свои простые права. И надо посмотреть, какие простые права защищает Европейский Суд по правам человека. Вовсе не только «Парнас» их там защищает и не еще что-нибудь такое экзотическое, а люди о своих баркасах, которые им принадлежат по праву собственности, говорят, о земельных участках, о чердаке.

Да, они возражают против пыток. Да, они возражают против несанкционированной прослушки – последнее решение, которое мы получили, а это касается всех. Это не меньшинства касается. Посмотрите на данные о том, как Россия обеспечена мобильной телефонизацией. Сплошняком! Везде! Ну, в скитах каких-нибудь у староверов, может быть, нет, потому что это принципиальное отличие их взглядов.

От этого никак нельзя уходить. Российский менталитет – он вполне такой, что может рассчитывать на обеспечение государством достоинства каждого. А было иное: у нас с вами были культистские времена. Наше признание европейских ценностей в нашей Конституции – реакция на наш собственный опыт. Не на чужой, а на наш собственный. Почему у нас с вами появилось право, что никого нельзя лишить гражданства, никому нельзя не разрешать выезжать за пределы страны и возвращаться? Сейчас это ставится под вопрос. Почему у нас это все появилось? Почему у нас появилось отделение церкви от государства? Мы знаем: православие, самодержавие и народность. Никто не идет дальше раскрытия этой фразы, а народность там выражалась в одном простом требовании: народ поддерживает и самодержавие, и православие. Больше никакая миссия там народу не предназначена. Я не хочу своему народу такой судьбы. Поэтому давайте здесь как-то сдерживаться.

Теперь о некоторых решениях КС. Я буду очень торопиться.

Да, завершая этот сюжет насчет прав и свобод, скажу еще о единстве власти. Единство власти только в одном – она вся должна обеспечивать признание и защиту этой высшей ценности. Она больше ни для чего не создается.

Здесь образовалась удивительная реакция на заявление о том, что никто не знает отличия государственных интересов от интересов общественных. А я считаю, что вопрос поставлен неверно. Есть интересы общественные, в том числе и государственные, может быть, какие-то, если государство защищает общество. И есть интересы личности. А государство и общество действуют как дополнительные субсидиарные механизмы для защиты прав человека, который сам, живя в обществе, не может защитить себя во всех аспектах. Понимаете, когда у нас даже в Конституции написано, что права и свободы могут

быть ограничены по Федеральному закону только в той мере, в которой это обеспечивает... Что оно обеспечивает? Народное здравие – да, хорошо; нравственность – да, хорошо; права и свободы других людей – да, хорошо. Безопасность государства – ровно настолько, насколько эта безопасность государства нужна для обеспечения безопасности людей. Но не более того.

У нас ничего частного не признается – так классик говорил. Вот всё ровно наоборот – у нас признается публичное только такое, которое защищает частное. Вот и всё. А дальше должно быть согласование интересов, потому что мы живем в обществе. Права одного заканчиваются там, где они начинают нарушать права другого. И выяснять эти границы – как раз дело судебной власти, но при этом она должна быть независимой.

И пара примеров в ответ на то, о чем здесь говорили, обращаясь к конкретным решениям Конституционного Суда.

Я считаю, что Конституционный Суд не только защитил, но создал многие такие правовые позиции, за которые мы должны быть ему благодарны. Я могу привести этот перечень, не очень большой, но показательный. Благодаря Конституционному Суду у нас появился судебный арест до того, как Уголовно-процессуальный кодекс был введен в действие. Благодаря Конституционному Суду у нас появилась идея, она даже еще не всеми освоена, что одно только упрощение деятельности органов государства, то есть упрощение выполнения ими каких-то на них возложенных функций, никогда не может быть причиной ограничения прав и свобод. Разве это не важно? У нас появились, благодаря решениям Конституционного Суда, понятия эффективных средств судебной защиты, обязанности пересмотра вступивших в законную силу, исполняемых судебных решений в тех случаях, когда акт правосудия обнаруживает себя, по существу таковым не являющимся. Понимаете? И это все такие ценности, которых мы раньше не имели. И я не думаю, что они могли бы родиться из менталитета народа. Потому что, если хотите, это обязанность правоведов, юристов нести эти ценности, потому что эти правовые инструменты открыты опытом человечества, всего человечества. И оно убедилось, что без этих правовых инструментов люди могут в общежитии своем претерпеть очень серьезные угрозы и наделать массу всяких ошибок. Вот объективное содержание права. Поэтому оно абсолютно отличается, конечно, от закона. И обо всем этом, конечно, нужно говорить.

Есть конкретные замечания в адрес решений Конституционного Суда. Я вовсе не собираюсь их защищать, я их тоже во многих случаях критикую.

Внесли изменение в Конституцию, Конституционный Суд одобрил: можно менять сроки полномочий законодательной власти. А можно их менять? Нельзя их менять! Не потому что там такой срок был написан, и это в той главе, в которой можно менять, а просто потому, что в других главах провозглашена сменяемость власти. А такая интерпретация сроков, которые можно продлять, подряд или не подряд избираться, ничего общего не имеет со сменяемостью власти. А это один из главных постулатов.

Или, например, возьмем такую вещь, как пропорциональная система выборов. Мы говорили об этом с кем-то из коллег, хороша она для нас или плоха. Ну, коллеги, избирательное право в Конституции не закреплено. Конституция здесь вообще ни при чем.

Теперь я вам расскажу, многие, наверное, этого не знают, что когда были первые выборы по этой Конституции в 1993 году, гайдаровская партия проиграла; помните, она не набрала нужный процент. Я вам говорю о своих собственных разговорах с представителями этой партии, в том числе с Борисом Андреевичем Золотухиным, со многими другими, которые были лидерами. Я им объясняю: ваш процент посчитан неверно. Почему? Потому что тогда у нас была не чисто пропорциональная система, но были мажоритарные округа. Везде, где вводятся параллельно две избирательные системы, если кандидат от партии победил в мажоритарном округе, достаточно иметь победу в трех мажоритарных округах, чтобы барьер считался пройденным, потому что победа в трех округах, с точки зрения просто числа избирателей, уже позволяет говорить, что барьер пройден. Первый – трехпроцентный в 1993 году. Я им это объяснила, мы посчитали на пальцах, посмотрели в законе: нигде нет никакого требования иного подсчета. И вот эти интеллигентные люди сказали: нет, мы не будем, мы проиграли – значит, проиграли. Это первые выборы, 1993 год.

С.А.ЦЫПЛЯЕВ

В 93-м они прошли, они были вторые, вслед за Жириновским. Может быть, так было на следующих выборах. Ну, это неважно.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Может быть. Это связано с процедурой пропорциональных выборов на фоне мажоритарных. Вот так надо говорить.

Теперь по поводу (простите, такой полный разброд и шатание в мыслях) единого суда в США. Коллеги, это же абсолютно другой орган! Это не просто Верховный Суд, это Конституционный Суд. Конституционный Суд, одновременно решающий спор по конкретному делу. Он выбирает этот спор только по тому принципу, что в нем, в этом споре, основа в конституционном вопросе. Вот по какому принципу он его выбирает. И решение его обязательно и для конкретного дела, и для закона, для законодателя. И это безусловно.

Здесь прозвучал очень хороший тезис с точки зрения истории и разбора по поводу «Алтайского дела». Да, Конституционный Суд поменял позицию. И на самом деле ему не было это запрещено. Почему? Потому что он работал в других условиях. Первое решение принималось, когда везде были выборы. Выборы в субъектах были везде. Второе – на другом фоне, потому что изменился Федеральный закон о принципах организации деятельности законодательной и исполнительной власти субъектов. Законодатель изменил закон.

Почему Конституционный Суд рассматривал жалобу? Жалоба была, дорогие мои коллеги, на что? На то, что президент может в связи с утратой доверия убрать главу государства. А Конституционный Суд не может выходить за пределы жалобы. Я всегда спрашиваю у представителей субъектов, много раз спрашивала: почему вы не пожаловались на другое, почему вы не пожаловались на то, где Конституционный Суд мог бы ответить адекватно?

Понимаете, мы берем только одно общее последствие того, что произошло после рассмотрения в КС. Да, было подтверждено, что президент может назначать, что можно не выбирать. Но спор возник из-за того, что президент мог не только назначать, но и убирать, и распускать парламент.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

Президент не мог назначать, он рекомендовал.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Ну, это понятно. Но он мог удалять с должности и распускать парламент. Конституционный Суд прописал процедуру трех необходимых судебных решений, чтобы прийти к такой возможности. Первое: общие суды должны были подтвердить нарушение прав и свобод человека этим органом власти или должностным лицом. Второе: Конституционный Суд должен был подтвердить то же самое. То есть в конце концов должно было быть решение Конституционного Суда на тот счет, что права и свободы этим человеком нарушены. Чтобы не убрали из-за того, что ты мне теперь не друг, а мне друг Иван Петрович. Вот в чем дело.

С.А. ЦЫПЛЯЕВ

А Лужкова как снесли?

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Так не только Лужкова, сколько губернаторов снесли!

Т.Г. МОРЩАКОВА

Так это уже все было потому, что никто не оспорил именно института изгнания из-за утраты доверия. У Конституционного Суда было решение о том, что нельзя депутатов отозвать из-за утраты доверия, потому что это фактически было сталкиванием двух институтов непосредственного народовластия: выборов, которые его произвели на свет, этого человека или депутата, и другого – механизма отзыва. Это никак не согласуется с императивным мандатом.

ИЗ ЗАЛА

Прошу прощения, можно я задам вопрос? Сейчас в Законе (статья 184) просто заложен механизм отзыва.

Т.Г. МОРЩАКОВА

Безобразие! Это преодоление позиции Конституционного Суда.

Теперь я хочу обратить ваше внимание на то, что для того чтобы решения Конституционного Суда исполнялись, введен в Закон такой постулат: нельзя преодолевать позицию Конституционного Суда принятием акта, аналогичного по содержанию тому, который ранее был признан не соответствующим Конституции.

И, наконец, пожалуй, последнее, что я скажу. А нет, не могу пропустить, потому что Борис Лазаревич рассказал нам про то, почему Конституционный Суд так и не добился прекращения полномочий президента в результате нарушающего Конституцию Указа № 1400.

Не только потому, что решение было неправильно вынесено с точки зрения процедуры, но и потому, что не было у Конституционного Суда позиции, согласно которой... Почему Виктор Леонидович две статьи приводит? По одной – Конституционный Суд подтверждает неконституционность действий. Он подтвердил неконституционность действий, если бы это было оформлено. По другой – его решение должно было служить основанием в законодательном органе власти для процедуры импичмента. И это не было уже полномочием Конституционного Суда. Напрасно мы этого от него ждем.

И, наконец, последнее, совсем последнее. Все время мы здесь слышали такой плач Ярославны по отсутствию механизма исполнения решений Конституционного Суда. В Законе «О Конституционном Суде» столько поправок, что если бы их все отменить, то вышел бы закон много лучше закона 1991 года с этим импичментом по инициативе суда и многими другими вещами, если бы все это наносное (сколько там было законов об изменении, восемь или даже больше?) убрать.

Так вот, первым изменением в Закон «О Конституционном Суде» было внесение в его текст статьи 80 – ФКЗ «О Конституционном Суде», посвященный исполнению решений. До этой статьи там было написано: в случае... Вот Елены Анатольевны нет, она сказала: образуются пробелы – никто ничего не делает. У нас Конституция действует непосредственно. Закон «О Конституционном Суде» был рассчитан на непосредственное применение Конституции, и в 80-й статье было написано: если образовался пробел в результате решения Конституционного Суда, применяются непосредственно решение Конституционного Суда и Конституция Российской Федерации. Законодатель это вычеркивает и вносит статью, что если Конституционный Суд признал закон несоответствующим, то: если это президент – ему столько времени; если это Законодательное собрание – столько времени; если это Законодательное собрание субъекта Федерации – ему столько времени на внесение нового закона. А может быть, он вовсе не нужен? Понимаете? Может быть, он не нужен, потому что часто пробел в законе – это умысел законодателя. Закон всегда умнее, чем законодатель, который его принимает. И если что-то не урегулировано, то, может быть, это означает, что урегулировать таким образом было невозможно, и значит, надо исходить из общих принципов. А вот к общим принципам мы тут и обращаемся. И очень хорошо упомянул здесь Борис Лазаревич – *pop bis in idem*, который сейчас рушится Кодексом об административном судопроизводстве.

Потому что в советские времена, еще в 1988 году, накануне принятия, до разработки концепции судебной реформы 1991 года, было признано, что административная преюдиция нарушает принцип non bis in idem, нарушает, нельзя его применять! А теперь мы с вами услышали это в послании. Ну, как говорят, извиняйте. Что в послании прозвучало, то мы, наверное, будем иметь.

Пожалуй, всё, потому что так могу говорить, наверное, долго. Спасибо вам громадное за ваше вдохновение и за то, что вы меня вдохновили.

/ А п л о д и с м е н т ы /

Н.Л. ЕВДОКИМОВА

Огромное спасибо всем москвичам, которые потеряли целый выходной день в нашем любимом городе. И мы вас ждем вновь. Мы еще что-нибудь придумаем, будем вас ждать с нетерпением. Спасибо большое.